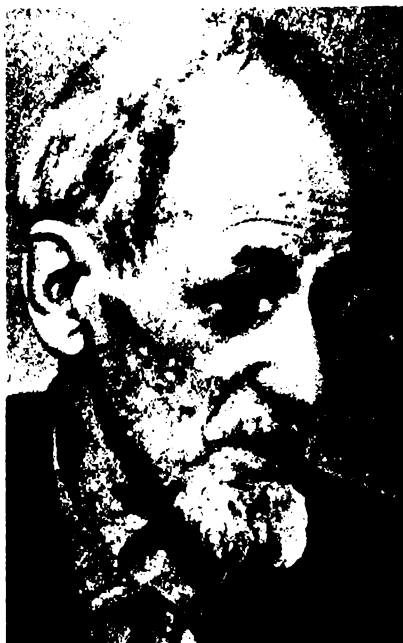

Пермская областная универсальная
научная библиотека им. М. Горького

ГРАЖДАНИН ПЕРМИ

Книга оцифрована для проекта
«КРАЕВЕД: История Перми и пермяков»
www.radom.narod.ru

www.perm-book.ru

ГРАЖДАНИН ПЕРМИ

**СБОРНИК ПАМЯТИ Б.Н. НАЗАРОВСКОГО,
ЖУРНАЛИСТА И КРАЕВЕДА**

Пермь. 1993 г.

Пермская областная универсальная научная библиотека
им. Горького
Отдел краеведения

К 270-летию Перми

Составитель Т.И. Быстрых

В сборник включены документы из личного фонда Б.Н. Назаровского, хранящегося в Пермском областном государственном архиве новейшей истории и общественно-политических движений (ГАНИ). Документы подготовлены к публикации Т.И. Быстрых.

Имя Бориса Никандровича Назаровского навсегда связано с историей нашего города. Двадцать лет назад он едва ли не в одиночку вступил в борьбу со всем ученым миром и отстоял дату основания Перми — 1723 год. Незадолго до этого был утверждён новый герб города. И лишь благодаря Назаровскому удалось не порвать связь времён, сохранить историческую преемственность: в новый герб из старого, дореволюционного перенесли главный символ Пермского края — медведя. Сейчас его присутствие в гербе города и фирменном знаке Пермского книжного издательства кажется естественным, привычным. Но как мало было сторонников у журналиста и краеведа Б.Н. Назаровского в то время.

А вот об этом теперь помнят немногие. В 1957 году Борис Никандрович одним из первых поднял вопрос о возвращении нашему городу его настоящего имени. В одночасье, одним росчерком пера в 1940 году Пермь была переименована в Молотов. Вернуть же исконное её название оказалось куда как труднее. Хорошо, что Назаровский всегда умел доводить начатое дело до конца, иначе праздновать бы нам сейчас 270-летие города Молотова.

Вполне конкретным результатом завершилось и его увлечение «пермским звериным стилем». В Перми начал работать камнерезный завод, и слава о его уникальных изделиях быстро перешагнула границы области.

Много ещё можно приводить подобных примеров. Б.Н. Назаровский действительно был гражданином Перми. Работал ли он в газете, в облисполкоме, главным редактором книжного издательства — он работал во имя, во славу родного города. Поэтому сейчас, когда мы отмечаем 270-летие Перми, выходит в свет эта маленькая книжечка в его честь.

Составителям хотелось привлечь внимание читателей, и прежде всего, библиотекарей, учителей, краеведов к одной из самых интересных и ярких личностей в истории Перми «советского» периода. Сборник включает в себя несколько краеведческих работ Б.Н. Назаровского, материалы к его биографии, воспоминания о нём. Прилагается аннотированный список литературы.

В жизни, в судьбе Назаровского много загадок. Конечно, появятся ещё большие, серьёзные издания, где найдут место интереснейшие документы из его личного архива. Будет написана его биография. И самое главное, будут собраны воспоминания людей, знавших его и испытавших на себе его влияние.

Назаровский был и остаётся живой легендой. Написано о нём мало. Много хранится устных рассказов—их ещё предстоит записать. Многие его связи не выявлены—биографов ждут открытия. В военные годы в Перми побывал писатель А.А. Первенцев. И все последующие годы в его письмах к П.М. Горюнову, председателю облисполкома, Л.С. Римской, директору издательства—неизменные поклоны Назаровскому. Это все—краеоведам для дальнейших поисков.

Настоящая книжка—это действительно сборник памяти. Не нужно искать в нём исчерпывающей биографии Б.Н. Назаровского. Его судьба была совсем непростой.

Выросло целое поколение пермяков, никогда не слышавшее его имени. Им ещё предстоит открыть для себя уникальное явление в нашей культуре—краеоведа Бориса Никандровича Назаровского. Пусть этот сборник поможет этому знакомству.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ О ПЕРМСКОМ КРАЕ

Б. Н. Назаровский

ПИСЬМО ТОВАРИЩАМ, ЛЮБЯЩИМ НАШ КРАЙ

В магазинах Перми мало художественных изделий. Ассортимент их крайне ограничен и случаен. У нас почти нет пермских сувениров. Отдел «Пермские сувениры» в большом магазине «Подарки» на Комсомольской площади производит жалкое впечатление. Человеку, побывавшему в Перми, нечего купить на память о ней ни на вокзале станции Пермь II, ни на речном вокзале. Редкими и случайными поступлениями представлены произведения декоративно-прикладного искусства в салоне-магазине Пермского отделения Художественного фонда. Обороты этого магазина по всем признакам очень незначительны. Кунгурские камнерезы несколько обновили ассортимент своей продукции, но надо иметь в виду, что область применения мягкого камня ограничена и рассчитывать только на него нельзя.

Мне, старому пермяку, наблюдать такое положение вещей досадно.

И мне пришла в голову одна мысль, которой я решил поделиться с товарищами. Эта мысль не решает всего вопроса, но мне кажется, что она всё же мысль богатая, то есть обещающая хорошие результаты, если её развить и реализовать.

Прошу терпеливо прочесть всё нижеследующее, ибо мысль эта должна быть мотивирована.

Наше время стало чутким к художественным достижениям прошлого. Это объяснимо. Рост социалистической культуры, формирование духовно богатого и всесторонне развитого

человека позволяет глубже понять, полнее оценить многие явления искусства прошлых эпох. Восторженные отклики вызвала прошедшая в этом году в Москве выставка деревянной скульптуры и резьбы. Благодаря кино и телевидению заново открываются миллионам зрителей вся прелесть северной русской архитектуры. Широкий интерес привлекло недавнее открытие художественно исполненных тканей и ковров в курганах Алтая, скальных рисунков в Каповой пещере на реке Белой.

Есть своё далёкое прошлое и у искусства нашего края. Некоторые памятники его также хорошо известны, бережно охраняются и изучаются. Это недавно реставрированный архитектурный ансамбль XVII века в городе Соликамске. Это пермская деревянная скульптура, собранная в Художественной галерее стараниями Н.Н. Серебренникова и изученная им.

Есть, однако, памятники художественной культуры прошлого, хотя и известные, но лишь узкому кругу. Они не популяризируются. Заключенное в них ценное наследие народного художественного творчества не используется. А они могут сослужить полезную службу.

Речь идёт о произведениях пермского звериного стиля.

Звериный стиль, отличительной чертой которого является изображение животных, большей частью реальных, а иногда и фантастических, частей их тела и различные композиции на этой основе, иногда в сочетании с человеческими фигурами и лицами,—этот стиль был распространён в древнем искусстве многих народов. На территории СССР он выступил в развернутом виде в скифско-сарматском искусстве Северного Причерноморья (причем испытал благотворное влияние древнего греческого искусства) и в искусстве племён Южной Сибири.

Пермский звериный стиль выделяется как самостоятельное ответвление этого широко распространенного стиля древнего искусства. Имея много общего со скифско-сарматским звериным стилем, он всё же несколько обособлен мотивами, художественными приёмами и характером изделий.

На нашей территории искусство этого стиля зародилось в ананьинской культуре, приблизительно в середине первого тысячелетия до нашей эры, и прошло через гляденовскую, ломоватовскую и родановскую культуры, дожив таким образом до начала второго тысячелетия нашей эры. Как всё живое оно развивалось и достигло своего зенита в ломоватовской культуре. Пермский звериный стиль был распространён не только на территории нашей области, но и в соседних районах в одновременных с перечисленными культурах, существовавших южнее по Каме, по реке Вятке, в верховьях Печоры.

Произведения звериного стиля были издавна известны русскому населению под названием «чудских древностей» или «древностей камской чуди». Как известно, под чудью разумелись племена, ранее населявшие наш край, предки современных коми-пермяков, удмуртов, хантов и манси. Некоторые авторы употребляли термин «пермский чудовищный стиль». Этот стиль нашел отражение в архитектуре крестьянских построек в нашем крае.

На чудские древности обращали внимание ещё в конце XVIII и начале XIX веков ездившие по нашему краю просвещённые путешественники — И. И. Лепехин, В. Берх и др. Первую публикацию художественных произведений камской чуди сделал ставший впоследствии видным писателем П. И. Мельников-Печёрский в своих «Дорожных заметках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», помещавшихся в «Отечественных записках» в 1841 году.

Выявлением и собиранием чудских древностей занимались крупные служащие Строгановского майората Ф.А. Волегов, А. Е. и Ф. А. Теплоуховы. Особенно много сделал последний. Граф С. Г. Строганов поощрял это дело, он поддерживал семейную традицию: если не быть, то во всяком случае выглядеть покровителем искусств. Кроме того, он был председателем Общества истории и древностей российских, основателем и председателем Археологической комиссии. И из своего огромного Пермского майората граф извлекал не только миллионные доходы, но и интереснейшие произведения древнего искусства для своей коллекции и для музеев Петербурга и Москвы. И после Теплоуховых на месте, в Перми, находились люди, продолжавшие заниматься чудскими древностями: И.Я. Кривошеков, Н.Н. Новокрещенных и другие.

Пермские находки привлекли внимание крупных учёных дореволюционной России — археолога А.С. Спицына, географа Д.Н. Анучина, этнографа И.Н. Смирнова, а также зарубежных археологов И. Аспелина, Я. Аппельгрена и других. Изображения этих древностей были даны в ряде альбомов (атласов).

В наше, советское время при археологических раскопках были сделаны новые находки, и произведения искусства древних народов Прикамья получили освещение в работах всех крупных археологов, занимавшихся нашим краем. О них писали А.В. Шмидт, М.Г. Худяков, А.В. Збруева, А.П. Смирнов. Им посвящались специальные работы. Археологические раскопки, предпринятые в связи со строительством Камской, а затем Воткинской ГЭС, дали известному сейчас археологу О.Н. Бадеру и его ученикам — В.А. Оборину, В.Ф. Генингу

и другим новый богатый материал.

Таким образом, изучение найденных в Прикамье произведений искусства, принадлежащих к пермскому звериному стилю, имеет уже свою длительную историю. Библиография вопроса составит многие десятки книг и статей. Богатые коллекции предметов пермского звериного стиля есть в Пермском краеведческом музее, в археологическом музее Пермского университета, в музеях Москвы и Ленинграда. Интересные документы и рисунки сохранились в семейном фонде Теплоуховых в Государственном архиве Пермской области.

Но тут надо обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство: древним искусством Прикамья занимались почти исключительно археологи, искусствоведы же, наши местные искусствоведы, к сожалению, проходили и проходят мимо него. В экспозициях Пермской художественной галереи почему-то не нашлось места для произведений пермского звериного стиля. В краеведческом же музее они включены в общую историческую экспозицию, крайне стесненную, и как произведения искусства не смотрятся.

Между тем интерес древнего искусства, ценные художественные достижения далёкого прошлого признаются всеми историками искусства. «Искусство первобытного общества подкупает нас свежестью восприятия, яркостью выражения, порой наивной чистотой», — писал М. В. Алпатов (Всеобщая история искусств, том 1, 1948, с. 57).

Определённое и заметное место в этом искусстве признается за пермским звериным стилем. В этом легко убедиться, открыв том Большой советской энциклопедии (2- издание) на слове «Звериный стиль» (с. 564-566).

Пермский звериный стиль заслуживает внимания.

Я не искусствовед и не берусь дать развёрнутую характеристику этого стиля, но всё же скажу несколько слов.

Это стиль реалистического искусства. В основе его — живое наблюдение природы. Это стиль народного искусства. Он связан с народным бытом, создавался руками безвестных умельцев из народа, и на протяжении столетий народ отбирал в нём лучшие черты, интереснейшие образы, как он делал это в своём устном творчестве с легендами и сказками. Изображения, которые давало искусство древних народов Прикамья, стилизованы. Это общая черта древнего искусства. Широкий простор дан фантазии, связанной с анимистическими представлениями наших предков. Большинство произведений этого стиля подчинено декоративным целям, они в соответствии с этим декоративно ритмичны. Все они очень целостны композиционно, крепко сколочены. Многие из них, особенно

относящиеся к родановской культуре, весьма и весьма экспрессивны, даже экстатичны.

Лаконизм и ритмичность—вот, пожалуй, черты, которые больше всего бросаются в глаза, когда смотришь на эти произведения. Эти черты делают возможным включение их в современные ансамбли, ансамбли квартиры и одежды.

Произведения пермского звериного стиля представлены главным образом двумя группами, это: а) скульптурно выполненные двухсторонние фигурки размером от 2 до 9 сантиметров и высоту и б) фигурные плоские бляхи размером от 2 до 20 сантиметров со слабо-рельефным или высоко-рельефным изображением. Это основные группы. Есть вещи и другого характера. Выполнены они главным образом в бронзе средствами литья, вырезки и насечки. Если говорить о производственной стороне, они очень технологичны, и в современных условиях из современного материала могут изготавливаться путём штампования,—наиболее дешевым.

По своему назначению это накладки на ремни и платья, пряжки, другие украшения—подвески и привески (в частности, так называемые шумящие подвески разной степени сложности), амулеты, жертвенные изображения на бляхах, ручки ножей, гребни. Часть этих вещей носила культовый характер, но сейчас этот характер не ощущается, но понятен только специалистам-археологам.

В Италии, Греции, Египте, Мексике, да и многих других странах существует целая индустрия, занятая репродуцированием предметов древнего (в том числе т.н. доисторического) искусства, индустрия, приносящая миллионные доходы от реализации этих репродукций как сувениров, да и просто как произведений искусства. У нас кое-что делается в этом направлении в союзных РСФСР республиках, особенно в Прибалтике. Мы же в России скромны, чрезмерно скромны.

Вот и я предлагаю заняться популяризацией древнего искусства народов Прикамья и создать на его основе значительную группу пермских сувениров.

Надо делать одновременно и то и другое. Надо подготовить выпуск таких сувениров, а затем широко и умело рекламировать их.

Нельзя просто начать делать сувениры по сохранившимся в музее образцам. Тут нужна художественная работа. Надо: 1) отобрать лучшие, наиболее ценные и близкие нашему времени в художественном отношении образцы, два-три десятка из сотен; 2) создать на основе этих образцов точные формы (ведь вещи окислились, стёрлись, некоторые же дошли до нас только в рисунках), придать им современное назначение

и приспособить к этому назначению: броши, кулоны, пряжки на шляпы, пряжки на обувь, значки для мальчишек, значки для туристов, настольные безделушки, скульптура малых форм и т.п.; 3) решить их в цвете; 4) решить их в материале (керамика, бронза, современные дешёвые сплавы, пластмассы, другая химия).

Таким образом, тут большая и интересная работа для художников. А после такой работы—организация производства, на мой взгляд, не такая уж сложная: нужны один—два небольшой мощности пресса и штампы для них. При невысокой цене продажа таких сувениров станет приносить значительную прибыль.

Я предложил бы такой план действий:

1. Познакомить группу художников (скульпторов, прикладников, живописцев, графиков) с произведениями пермского звериного стиля. Сделать это можно в краеведческом музее, попросив музей подготовить к показу не только то, что экспонировано, но и свои коллекции из основных фондов, а также альбомы (атласы) из библиотек. Обязателен подготовленный А.А.Спицыным атлас «Древности пермской чуди по коллекции Ф.А. Теплоухова» (СПб, 1902). Было бы очень хорошо показать также рисунки из архива Ф.А. Теплоухова, хранящегося в государственном архиве Пермской области, и коллекции кабинета археологии Пермского госуниверситета. Показ этот должен быть подготовлен.

Прежде всего, надо, чтобы художники проверили моё впечатление и подтвердили (или отвергли) вывод о художественной ценности этого наследия и возможности его использования в наши дни. Если подтвердят—делать всё следующее.

2. Подготовить две лекции (или доклада) о пермском зверином стиле: одну—археолога, другую—искусствоведа. У нас есть способная (правда, не такая деятельная, как хотелось бы) молодёжь и в университете, и в художественной галерее. Смею утверждать, что на эту тему можно написать и интересную диссертационную работу. Лекции надо прочесть прежде всего художникам, а затем начать читать их и для более широкой аудитории.

3. Устроить в художественной галерее выставку произведений искусства древних народов Прикамья. Выигрышно, с предварительным отбором, с хорошим освещением, расположив на соответствующем материале, словом, как полагается показать эти произведения. Показать их и в рисунках. Рекламирывать эту выставку. На основе её создать раздел в постоянной экспозиции.

4. Выпустить телевизионный фильм на эту тему. Его можно интригующе назвать, можно показать в нём работу археологов, обстановку, в которой рождался пермский звериный стиль (рисунки, макеты), эффектно показать (кино это позволяет) предметы изобразительного искусства древних народов Прикамья. Всё это можно связать с работами по преобразованию края.

5. Подготовить и издать альбом произведений пермского звериного стиля. Мне кажется, эти произведения лучше дать в рисунках. Выпустить этот альбом вполне посылно нашему издательству. Кроме того, выпустить популярную книжку об искусстве древних народов Прикамья, разумеется с иллюстрациями.

6. Провести описанную выше художественную работу по созданию большой группы пермских сувениров.

7. Поставить производство этих сувениров.

8. Организовать торговлю пермскими сувенирами, созданными на основе произведений пермского звериного стиля. Умело её поставить. Сначала выпустить небольшие партии и создать известный ажиотаж. Затем—широкая торговля. Обязательно специальные киоски на Перми 2 и на речном вокзале, оформленные в том же стиле. Может быть и на других станциях и пристанях, а также в центре города. Обязательно продвижение этих сувениров в Москву и Ленинград, а после апробации, и в зарубежные страны, в частности, в Венгрию и Финляндию, где успех им обеспечен. Выпустить дешёвую листовку о пермском зверином стиле, которую раздавать при продаже сувениров.

Всё это дело может состояться только в том случае, если найдутся его горячие энтузиасты, если оно получит общественную поддержку, к которой я прежде всего и взываю. Его можно делать по-настоящему, смело и с размахом или совсем не делать. Серединка губительна. На пути есть препятствия, и первое, вместе с тем самое страшное,—равнодушие. «А зачем это?», «Ведь из Москвы никаких указаний о древнем искусстве не было», «Почему это мы должны вылезать первыми?». Такие вопросы, несомненно, будут. Из Москвы есть общая директива: заниматься искусством, эстетическим воспитанием, заниматься бытом людей. Это нужно для того, чтобы люди росли в обстановке красоты, да в известной степени для того, чтобы было весело и забавно. На Алтае есть не менее, а пожалуй, более ценное наследие древнего искусства. Но почему не начать нам? Алтай пусть подражает и развивает успех.

Если художники согласятся со мной, что произведения

пермского звериного стиля могут послужить основой для альбома, телевизионного фильма, для создания серии пермских сувениров, надо энергично действовать, преодолевая равнодушие и инертность.

Когда более ста лет назад П.И. Мельников-Печёрский призывал изучать древности камской чуди, он писал о возможном недоумении. «Исследовать пермские древности? Да сколько пермских барынь и барышень почтут нарушением приличия... Древности пермские! Как это можно»,—так он иронизировал по поводу людей, признающих древности только классические—в Греции и Италии. За эти сто с лишним лет доказано, что и наши древности представляют большую историческую и художественную ценность. А время жеманных барынь и барышень прошло.

Призываю проверить своим взглядом, а затем поддержать моё предложение.

1964 г.

Б. Н. Назаровский

МЕДВЕДЬ НА ГЕРБЕ ПЕРМИ

На гербе Перми, утверждённом недавно городским Советом, сохранено изображение медведя, которое было центральным на старом Пермском гербе.

Медведь занимает сейчас не главенствующее, но всё же заметное положение: он в нижней части большого щита, в основании герба, он — корень, из которого вырастает весь новый герб, с его центральным элементом — памятником на Вышке.

Стоило ли сохранять изображение медведя? К месту ли он в нашем большом индустриальном городе?

СТРАННОСТИ В ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО ГЕРБА

В медведе некоторые видят символ первозданной дикости, пригодной только для глубокого захолустья. Один из уральских журналистов-краеведов утверждал в печати, что Екатерина II, даровав городу Перми в качестве эмблемы медведя, оскорбила пермяков.

В этом утверждении всё неверно.

Прежде всего—ни Екатерине II, ни герольдмейстерской конторе, подготавливавшей гербы для новых городов, не понадобилось выдумывать герб для Перми. В утверждённом

императрицей в 1783 году докладе сената «О гербах городам Пермского наместничества» сказано: «Город Пермь имеет старый герб. В красном поле серебряный медведь, на котором поставлено в золотом окладе евангелие, над ним—серебряный крест».

Как так—город новый, а герб старый?

Больше того, ещё до торжественного открытия города Перми, которое состоялось 18 октября 1871 года, в письме, адресованном Пермскому наместнику Е.П. Кашкину, герольдмейстер А. А. Волков утверждал, что город Пермь имеет свой герб. И наместническое правление подтверждало это, оговариваясь: «Когда утверждён и по какому повелению не отыскано».

История русских земельных гербов, в частности, пермского, достаточно хорошо изучена в работах П.П. Винклера, А.В. Арциховского, А.А. Ураносова, Е.И. Каменцовой и Н.Н. Сперансова, и нам не трудно ответить на вопрос, оказавшийся непосильным для чиновников Пермского наместничества.

Пермский герб был утверждён верховной властью через военную коллегию в 1730 году. Но и тогда было сказано: «Пермский-по-старому: белый медведь, над ним евангелие золотое, а над ним крест серебряный, поле красное».

Ещё того лучше! Пермский герб существовал, когда о нашем городе не было речи.

КТО ОТ КОГО ПРИНЯЛ ГЕРБ?

Чтобы понять эту странность, следует вспомнить историю возникновения нашего города.

Начало ему было положено строительством Егошихинского медеплавильного завода. Но посёлок этого завода дорос до официально признанного города не в результате развития заводского производства. Оно во второй половине 18 века хирело. А посёлок приобрёл новые функции — транспортного узла и торгового центра. Преобразование же его в губернский город произошло в связи с губернской реформой, предпринятой правительством после возглавленной Е.И. Пугачёвым крестьянской войны. Тогда были образованы Пермское наместничество и Пермская губерния и определён их центр— посёлок Егошихинского завода.

Город Пермь—наследник не только Егошихинского завода, а и Перми Великой, объединявшей в давние времена значительную часть Прикамья. Вот от Перми Великой и перешел городу герб.

Когда в 1505 году последний местный князь Великопермский Матвей, крещёный, признающий власть Москвы, но всё же

недостаточно ей покорный, был сведён с престола, его титул принял великий князь Московский Василий III, назначивший сюда своего наместника.

Великие князья Московские, присоединяя к своему государству новые и новые княжества и земли, постепенно наращивали свой титул. Уже у Ивана 4-го Грозного он был длинным: «Божею милостью великий князь Иван Васильевич, господарь всея Руси—Володимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, господарь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных господарь и великий князь—Новгородский Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Волотцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и иных и всея Сибирские земли повелитель, господарь Ливонские земли и иных многих».

Этот титул можно прочесть на большой государственной печати, созданной при Иване Грозном. В центре её находился Московский герб—двуглавый орёл, на груди орла всадник, князь с копьём, по краям же печати всех перечисленных в титуле княжеств и земель, в том числе в качестве пермской печати—изображение медведя.

Титул самодержцев всероссийских продолжал расти и у последних Романовых был таким пространым, что едва умещался на печатной странице, но всегда в нём оставались слова: великий князь Пермский. Если считать, что Екатерина II оскорбила пермяков, даровав им в качестве герба изображение медведя, то надо признать, что она оскорбила и себя: ведь она была великой княгиней Пермской.

Но в действительности не самодержцы всероссийские даровали пермякам медведя, а, наоборот, они взяли у пермяков медведя в свой герб.

Исследователи земельных гербов нашей страны давно уже пришли к выводу, что в отличие от гербов титулованных дворянских родов, многие земельные гербы не сочинены герольдмейстерской конторой, учреждённой лишь при Петре I, а имеют глубокие корни в прошлом, были созданы на местах, родились естественно.

МЕДВЕДЬ—СИМВОЛ СИЛЫ

В Перми Великой почитался медведь. Для некоторых родов древних жителей края он был тотемом, то есть предкомпокровителем. Он почитался и шире, всем населением края, в том числе и русскими колонистами, как самое сильное и важное в промысловом отношении животное этих таёжных мест.

Медведь силен. Ударом своей лапы он может свалить лошадь. Он решается нападать даже на лося. В то же время медведь осторожен и не жесток,—когда в достатке растительный корм, он довольствуется им. Медведь предусмотрителен—готовит себе берлогу и на голодное зимнее время погружается в спячку. Охотника поражала схожесть строения тела медведя с человеческим, способность медведя ходить на одних задних лапах.

Причем тут город Пермь? — может заметить читатель. Ведь Великая Пермь лежала севернее.

Да, но она не была законченным государственным образованием, и границы её трудно точно очертить. Несомненно, что жалуя Строгановым обширные земли по Каме и её притокам, Иван Грозный отдавал им не пустые, а уже заселённые пространства. Здесь жили коми-пермяки, манси (вогулы), ханты (остяки) да и русские поселенцы.

Казённый медеплавильный завод был построен в 1723 году на реке Ягошихе. Корень названия—«яг ош»—по коми-пермяцки значит «медвежий бор». Это один из многих следов, оставленных древними обитателями наших мест.

Медведь служил излюбленным объектом для первых художников нашего края. Они оставили нам богатое наследство в виде миниатюрной скульптуры в металле—бляшек пермского звериного стиля. Такие бляшки служили талисманом—оберегали, украшали одежду, их можно было повесить на жертвенное дерево взамен зверя или птицы. Много бляшек с медведем было найдено на Гляденовском кострище вблизи Нижних Муллово, то есть у самой границы современной Перми.

Русский охотник, давно принявший христианство, попадая в наш край, считал не лишним повесить на шею вместе с крестом «иконку» местного изготовителя с медведем: «не то, так другое поможет». Христианские проповедники уничтожали языческие жертвенники, но свои церкви и часовни возводили точно на их месте.

С местной традицией считались, с ней нельзя было не считаться. И тот факт, что великие князья московские приняли в свою печать изображение медведя, как символ Пермской земли, являлся данью этой традиции.

Около ста лет пермский медведь оставался на печатях и предметах государственного быта свободно идущим, ничем не обременённым медведем, близким к своему изображению в миниатюрной скульптуре. Таким он был на завесе спинки трона Михаила Фёдоровича Романова, на государственном знамени Алексея Михайловича, на его парадной тарелке.

НЕПРИЯТНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Перемены в судьбе пермского медведя произошли в начале семидесятых годов 17 века. Это было время усиленной христианизации государственного быта, призванной послужить укреплению самодержавия. Получили новые, христианские названия многие улицы Москвы, ворота Московского кремля. Христианскими символами стали оснащать и земельные печати-гербы. Вот тогда-то на спину нашему медведю водрузили тяжёлое, окованное золотом евангелие с крестом. Таким появился пермский медведь в «Большой государственной книге 1672 года».

Что могучему зверю даже тяжёлая книга? Но он стал каким-то понурым. Христианство служило не столько просвещению вошедших в состав Российского государства народов, сколько усилению феодального гнёта.

Пермского медведя с евангелием можно видеть на гербе Русского государства, воспроизведённом в дневнике путешествия И.Г. Корба в Московию, среди гербов на знамени Преображенского полка, на печати Сибирской губернии, в состав которой вошла большая часть Пермского края, на знамёнах, утверждённых для Пермского пехотного и Пермского драгунского полков.

Административно-территориальное устройство нашего края менялось, но при всех переменах медведь с евангелием оставался его символом. И он естественно оказался на печати Пермской провинции, которая имела центр сначала в Соликамске, затем в Кунгуре.

Никаких официальных разъяснений символики Пермского герба не давалось. Только в упоминавшемся уже докладе сената было сказано, что медведь означает «дикость нравов обитавших жителей», а евангелие—«пробсвещение через принятие христианского закона». Бывало, герб разъяснялся и проще: дикость, укрощённая православием.

МЕДВЕДЬ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Христианская, в частности православная, церковь имела основания относиться к медведю недоброжелательно. Она, церковь, служила упрочению власти князей и царей, способствовала развитию феодальных отношений и сама была крупным феодалом. Медведь же в народном сознании оставался символом антифеодальной борьбы.

Он стал таким символом ещё на заре феодализма, когда против захвата земли князьями выступали массы общинников,

Разумеется такие игры не могли нравиться царским властям. Медведь был на подозрении, как зверь крамольный.

Однако он сохранялся на гербах ряда городов, а истолкование образа его, которое было дано в 1783 году, не повторялось. Не повторялось потому, что оно находилось в противоречии с правилами геральдики, согласно которым на гербе— место выдающимся благородным животным, в их числе и медведю, царю тайги, символизирующему силу и пресмотрительность.

ЧЕЛОВЕК И МЕДВЕДЬ

Отношение человека к медведю не оставалось неизменным. Если в далёком прошлом медведь был грозным зверем, у которого следует искать покровительства, то, когда человек стал сам могучим, в отношении его к медведю появились и добродушная насмешка, и ирония.

И всё же, как правило, отношение человека к медведю остаётся добрым. Он любимец детворы в зоопарках. Им восхищаются дети и взрослые в цирке. У редкого ребёнка нет среди игрушек медведя. А сколько интересных медвежьих историй рождается каждый год! Есть что-то обаятельное в облике и повадках этого зверя. Теперь человек начинает покровительствовать ему: оберегая от него свой скот, он заботится о том, чтобы не перевелись медведи в лесах.

Само слово «герб» на языках многих славянских народов означает—наследство, наследие. Нам незачем отречься от этого наследства на Пермском гербе. Оно досталось нам не от царей и императоров, а от наших далёких предков.

И совсем незачем стесняться медведя, как стеснялись аристократы бедного родственника из захолустья. Не так мал «медвежий угол». Медведь есть на гербах Ярославля и Новгорода. Он служит гербом Берлину. Его почитают в скандинавских странах. В столице Швейцарии, городе Берне, держали на главной площади медведя, потому, что само слово «берн» значит медведь, а археологи нашли здесь далёкие следы медвежьего культа.

Взгляните в небо. Там над нами Большая и Малая Медведицы. Такое имя дали созвездиям древние греки, сложившие поэтический миф о происхождении этих созвездий.

Зачем же нам стесняться такого широкого популярного родственника?

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

На старом Пермском гербе на медведе было водружено окованное золотом закрытое евангелие, призванное внушать покорность неграмотному в массе своей народу. На новом гербе Перми над медведем открытая книга—символ действительного просвещения.

Сила трудового народа, соединённая с наукой, дала человеку могучую технику. И паровой молот—этот элемент памятника на Вышке—естественно возвышается над медведем и книгой.

Но памятник на Вышке несёт больше, чем могущество техники, смысловую нагрузку. У этого памятника покоятся борцы за дело рабочего класса, дело коммунизма. Их деятельность дала рабочему классу великую силу организованности.

Наш герб в целом—символ всё возрастающего могущества человека, который не забывает прошлого и уверенно идёт в будущее. В то же время это наш, Пермский герб, своеобразный и неповторимый.

ПИСЬМО Б.Н. НАЗАРОВСКОГО Р.И.РАБИНОВИЧУ РАБОТАВШЕМУ НАД КНИГОЙ О Н.В. МЕШКОВЕ

Дорогой Рафаил Иосифович!

Передавать ваши «Небольшие поправки к большой статье» в редакцию «Вечерней Перми» нет никакого смысла, в редакцию «Звезды»—тем более. Не поместят. А Дубилета познакомят. Имейте, кроме того, в виду, что ни я, ни Савватий уже давно не являемся в пермской журналистике столь почтенными персонами, какими были раньше. Правда, нам выказывают некоторые знаки уважения, но не все равно считают стариками, которым пора на полный покой, так как они безнадежно отстали от современных требований и современных приёмов журналистики.

Теперь по существу. Мне кажется, вы занимаете в отношении Дубилета неверную позицию. Это добросовестный журналист, очень патриотически настроенный в отношении Перми и Камы и многое сделавший для воспитания хорошего патриотизма у камских речников. Он, Наум Иосифович Дубилет, появился у нас во время войны, эвакуированный с Днепра, где вырос из рабкоров в журналисты. Почти всё это время работал в водницкой газете и собкором «Водного транспорта». Сейчас

на пенсии, но продолжает очень активно работать среди водников, выпускает с их помощью всякие брошюрки и методические пособия по Каме.

Вы заинтересованы в том, чтобы о Мешкове была сказана правда. Никакая брошюра о Мешкове не может быть выпущена, если газеты и журналы не расчистят ей дорогу. И «Вечерняя Пермь» колебалась перед опубликованием статьи Дубилета*. А он уже дважды пробился с Мешковым в печать.

Сегодня по нашему местному радио также говорили о Мешкове по статье Дубилета.

Дубилет ваш союзник, а не конкурент (он о брошюре и не думает), и я советую относиться к нему как к союзнику.

Что это значит?

Передайте своё письмо в «Вечернюю Пермь». Я бы советовал начать его так:

«В газете «Вечерняя Пермь» появилась большая и содержательная статья Н. Дубилета о Н.В. Мешкове. Статья эта заинтересовала всех пермяков: в т.ч. и живущих сейчас в других городах.

Но Н. Дубилет недостаточно полно характеризует деятельность, а следовательно, и облик Н.В. Мешкова. Он ничего не сказал о помощи, которую оказывал Мешков Высшим женским курсам Лесгафта в Петрограде» и т.д.

Где-то в конце сказать: «У Н. Дубилета есть некоторые неточности в отношении биографии Мешкова. Он пишет, что Мешков появился в Перми пятнадцатилетним юношей...» и т.д.

Словом, надо снять опровергательный тон, предложить газете не опровержение, а дополнение и уточнение. Такого рода материал будет приемлем для «Вечерней Перми», и не исключено его опубликование.

Кроме того, вам самому надо выступать в других органах по поводу Мешкова. Повторяю: сразу брошюра—невозможно. Почему вы не публикуетесь в «Уральском следопыте»? Такая публикация очень важна для издательства, облегчит его разговор по поводу вашей книжки в обкоме и в комитете по печати. Я не знаю плана вашей книжки, но его надо хорошо продумать.

Теперь о некоторых спорных между вами и Дубилетом вопросах.

Дубилет, мне кажется, прав, проявляя осторожность в отношении похвал Мешкову. Он имеет письмо от Л.А. Фотиной, к которому она приложила более подробную копию своего письма к академику Ю.А. Орлову. Он мне показывал эти письма.

* По-видимому, речь идёт о статье: Дубилет Н. Пермский Савва Морозов // Веч. Пермь.—1977.—7 янв.

Мы знаем, что Н.В. Мешков оказывал помощь революционным организациям (не только социал-демократам, а и эсерам, и любым другим) в начале века, перед первой революцией и во время революции, когда он жил преимущественно в Перми. По-видимому, он переправил Фотиеву в Женеву. Мостовенко знал Мешкова по предреволюционным годам. Красин ведал денежными делами партии до 1908 года. После того, как он рассорился с Лениным, он вообще отошел от партии и вернулся в партию уже в 1917 году. Располагаете ли вы какими-то документами о помощи Мешкова революционным организациям в годы реакции нового подъема, первой мировой войны? Есть ли основания говорить, что его помощь была непрерывной до самой революции?

У меня лично сложилось такое впечатление, что Мешков, сохраняя уважение к революционной борьбе (он издавал журнал «Минувшие годы», посвященный годам революции), всё же переключился больше на просветительную и благотворительную деятельность. Проверьте сами себя. Письма Фотиевой, насколько я их помню, не дают оснований для утверждения, что помощь Мешкова была постоянной.

Относительно саботажа Мешкова в момент национализации флота. Тут Дубилет основывался на воспоминаниях старых речников. Саботаж предпринимателей проявлялся в форме прекращения финансирования своих предприятий, поскольку они оказывались под рабочим контролем. И Мешковская контора перестала заботиться о ремонте флота, о зарплате речникам.

Ваш аргумент: не может быть, чтобы в таких условиях сами водники выдвигали его на руководящий пост, а уже в 1920 году он стал консультантом и т.д.—неубедителен. Всё могло быть в те бурные годы. Мы сейчас уже забыли, что профессор Преображенский, первооткрыватель калийных солей и прикамской нефти, был министром в колчаковском правительстве, был осуждён, сидел в тюрьме, и только какая-то случайность спасла его от гибели. (Рассказывают, что он в тюрьме стал ругаться: чего вы кормите нас без соли, ведь у вас под боком лежит соль, дураки вы, большевики, и т.п. Нашелся какой-то умный человек, решивший, что, пожалуй, такого знающего человека не стоит пускать в расход).

Я советовал бы некоторые ваши опровержения снять или смягчить.

О карьере Мешкова ходят легенды. Я читаю в записках старого уральского журналиста Весновского справку о Мешкове. Он утверждал, что Мешков начал коробейником в Чердынском уезде, потом брал подряды на доставку Мотовилихинско-

му заводу песка и ещё чего-то, словом, начал транспортные операции и богател постепенно. Дубилет руководствовался одной из таких легенд. Если вы располагаете более точными данными о Мешкове, их, разумеется, следует сообщить.

Публикуйтесь скорее! Примите ту тактику, которая сделает возможной и книжку о Мешкове*. Н.В. Мешков во многом интереснее Саввы Морозова. Заголовок статьи Дубилета я нахожу неудачным.

Вот вам мои советы. Всего доброго!

ГАНИ, ф.90, оп.12, д. 150, л. 16—19.

1971 г.

Б.Н. Назаровский.

ЕЩЁ ОБ УВАЖЕНИИ К ИСТОКАМ

Евгений Андреевич Пермяк выступил недавно в «Известиях» с заметкой «Об уважении к истокам». Его взволновала увиденная в «Уральском следопыте» фотография истока родной Камы: уж очень будничным, заброшенным, запущенным показался этот исток. А ведь на берегах Камы выросли величественные электростанции, построены дворцы. Как многое даёт людям Кама! И известный наш писатель, напомнив об этом, призвал изукрасить исток Камы, её начало. Не только Камы. «Истоки Волги, Камы, Днепра, Дона и других прославленных рек нашей Отчизны достойны хотя бы мемориального камня, не говоря уже о большем»,—писал он («Известия за 26 февраля 1965 года»).

Заметка многих взволновала, редакция получила сочувственные отклики. Её поддержали наши областные газеты. В «Молодой гвардии» страстный наш краевед А.К. Шарц, призывая найти кирпич и цемент для благоустройства истока Камы, закончил свою заметку восклицанием: «Здесь должен возвышаться монумент с надписью: «Здесь начинается Кама».

Да! Не подлежит никакому сомнению, что исток Камы следует привести в порядок: убрать отсюда всякий хлам, посадить берёзки, сделать пошире деревянную оградку.

Но заметка Е.А. Пермяка и отклики на неё наводят на другие мысли и рождают некоторую тревогу.

Книга о Мешкове смогла увидеть свет лишь через двадцать лет: Рабинович Р.И. Опальный миллионер.—Пермь: Кн. изд-во, 1990.—158 с.—(Замечат. люди Прикамья).

Е.А. Пермяк писал, что истоки больших рек «достойны хотя бы мемориального камня, не говоря уже о большем», А.К. Шарц заговорил о большем—о монументе, который должен возвышаться над скромным ручейком. Оба предлагают заменить у истока дерево кирпичом и бетоном.

Надо ли это?

Да, величественна Кама у плотин построенных на ней гидроэлектростанций. Свои могучие руки простирают над ней порталные краны, поставленные на бетонной основе, чтобы легко поднимать принесённые ею тяжелые грузы. Ажурные нефтяные вышки видны на её берегах, а местами и на искусственных островах. Быстроходные суда бороздят её поверхность. От года к году всё полноценнее трудится наша река.

Должен ли сам исток её быть таким же крупномасштабным, выглядеть также величественно, как и вся река? Нет ли прелести, больше того — правды жизни в том, что большое и величественное начинается с малого и простого? В том, что река, берега которой одеты у больших городов в бетон, рождается в простом деревянном срубе под берёзками? И если экскурсанты-школьники, приехавшие из Перми, где они привыкли видеть широкую Каму, увидят скромный, даже будничный ручейёк, возможно они сначала воскликнут разочарованно: «Как, и это—Кама?!», но они и задумаются о том, как малое и скромное превращается в могучее и великое.

Космонавты, вернувшись на землю, едут в Калугу, к скромному деревянному домику, где жил К.Э. Циолковский,—здесь один из истоков могучих сил Байконура.

Так с реками, так с человеческими делами.

У меня не хватает своих слов. Вспомним, что писал Леонид Леонов в «Русском лесе».

«Это был всего лишь родничок. Из-под камня в пространстве небольшие детской ладони родилась ключевая вода. Порой она вскипала сердитыми струйками, грозясь уйти, и тогда видно было, как вихрились песчинки в её размеренном, безостановочном биении. Целого века не хватило бы наглядеться на него. Отсюда начинался ручей, и сперва его можно было хоть рукой отвести, но уже через полсотни шагов рождалось его самостоятельное журчание по намытой щебёнке.

То была колыбель Склани, первого притока Енги, а та, в свою очередь, приходилась старшей дочкой великой русской реки, расхлестнувшей северную изменчивость на две половинки, так что полстраны было окроплено живой водой из этого овражка».

Географы с несомненностью установили: исток Камы у деревни Карпушата, недалеко от села Кулиги, под 58° 47' во-

сточной долготы, на высоте 331 метра над уровнем моря, на самом возвышенном на территории Удмуртии месте. Но уже метрах в ста от основного истока Камы к нему на помощь прибегает ключ Дальний, потом—ключ Верхний, а дальше и речка Быструшка. Один за другим помогают Каме набирать силу притоки: Сева, Лытка, Неопыль, Колычь, Сюзьва, Лупья, Волосница. Ниже уже идут крупные притоки: Порыш, Весляна, Қоса, Южная Кельтма, Вишера... Чем была бы Кама без них? Ничем!

И где истоки величия Камы? Только ли у Карпушат? Нет, они всюду. С огромной площади—552 тысячи квадратных километров собирает воду Кама, сотни и тысячи рек, речек, ручейков, ключей питают её. Их истоки—в поросших осинником болотцах, в дремучих ельниках, на склонах гор, на чьих вершинах летом сохраняются снежинки.

Всё это истоки и все они требуют уважения. Но не ставить же нам повсюду монументы. Это невозможно, да и просто вредно: можно нарушить любящее покой рождение рек.

Найти материалы для того, чтобы изукрасить исток Камы, не так уж сложно. И, надо думать, организации близкой и родной нам Удмуртии, на территории которой рождается Кама, сумеют сделать это так, чтобы не погубить прелести простоты её рождения. Позволю высказать личное убеждение: дерево больше подходит для нежной новорождённой, чем бетон.

Но молодёжи нашей надо думать о большем: об уважении ко всем истокам—и тем, которые далеко, за сотни километров, и тем, которые близко здесь у нас, под боком—о сотнях ручейков и речек, густая сеть которых охватывает весь Западный Урал.

Надо хранить их. Не давать вырубать беспощадно русский лес, что ещё до сих пор делают, переводя бесценное народное добро в гниющую щепу. Заботиться о возобновлении леса на вырубках. Не давать изгаживать наши реки промышленными отходами. Поднимать по этому поводу шум, идти на скандал. Хранить родную природу—колыбель всякой жизни. Хранить её всюду, не только там, где возвышается монумент. Мемориальные камни кладут как память о чем-то ушедшем. Нам же надо, чтобы источники жизни никогда не иссякали. А они везде—около нас, и в вас самих—творцах и строителях.

Берегите истоки! Давайте им беспрепятственно развиваться. Не уродуйте их преждевременным и грубым вмешательством. Всякие истоки. Истоки рек, истоки мыслей и дел.

Мол. гвардия.—1965.—18 апр.

БИОГРАФИЯ Б.Н. НАЗАРОВСКОГО В ДОКУМЕНТАХ, ПИСЬМАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

члена партии Б.Н. Назаровского к чистке 1933 года

Родился в 1904 году в Перми в семье врача-хирурга губернской земской больницы. До поступления в среднюю школу образование получал дома.

Домашняя обстановка была интеллигентская, скорее буржуазно-интеллигентская. Отец по политическим убеждениям был кадетом и в 1905-1907 годах активным кадетом. Соответственно этому был и круг знакомств семьи.

Несколько иным было влияние матери. Мать—фельдшерница по профессии—родом из Вятки, и воспитывалась там в кругу политических ссыльных. Поэтому она и меня воспитывала в народническом духе. Читал Некрасова, издания «Донской речи», «Посредника» и т.д.

В 1914 году держал экзамен в реальное училище, но тот час же перевёлся в открывшееся тогда в Перми коммерческое училище, в котором и проучился пять лет до 1918 года. Кончил пять классов этого училища.

Отец серьёзно заболел в 1916 году. Хотя в то время материальные условия семьи и не были особенно острыми, мать решила приучить меня работать. С осени 1917 года работал на разных работах—репетитором, на городских огородах, на опытной сельскохозяйственной станции, в слесарной мастерской. Отец умер в январе 1919 года.

До 1917 года газет совсем не читал, да и в 1917 году читал их случайно. Политика тогда меня не интересовала, больше увлекался художественной литературой и разными «философскими» вопросами жизни. В 1918 году, когда класс резко разделился на две группы, как тогда мы называли, «красногвардейцев» и «кадетов», примкнул, точнее тянулся за первыми, не сознательно, а просто потому, что ребята были лучше, веселее и умнее.

Только колчаковщина заставила политически определиться. При Колчаке оставался в Перми, учился и работал, тогда вот только и понял, что симпатии на стороне большевиков. Но не больше, как видно из дальнейшего. После прихода Красной Армии работал сначала по реквизиции книг, потом в районной библиотеке на Заимке. Тут начинается работа во всякого рода кружках молодёжи, которые создавались тогда при библиотеках. Надо сказать, что кружки эти (клуб им. Горького, кружок саморазвития при 2-й районной библиотеке) не только не находились под влиянием комсомола, но и несколько противопоставляли себя комсомолу. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что я поздно, лишь в конце 1922 года, вступил в комсомол, т.е. вступил в него только восемнадцати лет.

В гражданских библиотеках работал недолго. Меня перебросили в гарнизонную библиотеку, затем в политотдел Губвоенкомата, и я работал по библиотечному делу в Красной Армии с ноября 1919 года по октябрь 1920 года.

В это время поступил в Пермский университет на факультет общественных наук, на социально-политическое отделение. Поступать в университет тогда было просто, но и учение мало что давало. Проучился в университете с марта 1920 г. по май 1921 г. С осени 1920 г. перешел на работу в качестве библиотекаря в кабинет государственных наук университета и работал там до мая 1921 г. Считалось, что я за это время кончил первый курс университета.

Надо сказать, что при всех недостатках тех интеллигентских молодёжных кружков, в которых я всё это время работал, они кое-что дали. Во-первых, именно в них я получил знакомство с марксистской литературой, и знакомство более или менее основательное. Во-вторых, они не так уж далеко стояли от политической жизни. Мы начали зимой 1920—21 года издавать «Устную газету», которая стала пользоваться большим успехом. Совершенно не представляю сейчас, каким путём мы, какой-то безымянный кружок, могли издавать такую газету, собиравшую временами огромную аудиторию. Кончилось это дело тем, что всю нашу группу (а я был редактором этой

газеты) — забрало к себе пермское отделение Роста.

С этого времени начинается газетная работа — сначала в Роста (с мая 1921 года), затем в «Звезде» (с декабря 1921 года). Она заставила забыть университет, и всяческие кружки.

ГАНИ, ф.90, оп.12, д.1, л.7—8.

МАНДАТ

выданный Б.Н. Назаровскому отделом народного образования при Пермском городском ревкоме

26 июля 1919 г.

МАНДАТ

Предъявителю сего, агенту 4-й районной библиотеки Б.Н. Назаровскому предоставляется право обследования, опечатывания и перевозки книжного имущества, оставленного бежавшими из города гражданами.

Зав. внешкольным отделом
Секретарь.

ГАНИ, ф.90, оп.12, д.1, л.69.

ПИСЬМО Б.Н. Назаровского краеведу А.К. Шарцу

28 сентября 1964 г.

Дорогой Александр Кузьмич!

В какое трудное положение вы меня поставили!

В своей книге «Технические библиотеки Пермской области», на с.27, рассказывая о создании библиотеки Пермского суперфосфатного завода (завод имени Серго Орджоникидзе), Вы написали следующее: «В июле 1919 года, после освобождения Перми от колчаковских банд, комсомольская организация во главе с Б.Н. Назаровским (ныне известный журналист, персональный пенсионер) организовала дружину по сборанию книг из домов бежавшей буржуазии. Назаровский обратился в Пермский губревком с просьбой выделить лошадь для транспортировки книг. Но ревком смог предоставить только осла. В течение многих дней в Перми можно было наблюдать картину: высокий худой юноша в будёновке, в опорках на босу ногу ведёт по улице за мочальную верёвку осла, нагруженного книгами».

Прочитавший эти строки может подумать, что это рассказывал вам я сам. Между тем я этого не рассказывал. И в этих

строках далеко не всё правда.

Я никогда не стоял во главе городской комсомольской организации. В 1919—1922 годах—вообще не был в комсомоле, а принадлежал к интеллигентским, по преимуществу, кружкам самообразования. В комсомол был принят в январе 1923 года. Когда меня называют старым комсомольцем, всегда вношу уточнение: в комсомол я вступил позже многих своих товарищей.

В июле 1919 года в нашем городе комсомольской организации, по-моему, ещё не существовало. Не помню, чтобы инициатива сбора книг исходила от неё. Это была инициатива только что возникших органов народного образования или прямо ревкома, которые поручили сбор книг районным библиотекам.

Я был привлечён к этой работе знакомой—заведующей 3-й районной библиотекой Викторией Рудольфовной (фамилию забыл), которая знала, что я нуждаюсь в заработке. Возможно, что инициатива исходила от районных библиотек, а ревком поддержал её. Я был зачислен библиотечным учеником сначала 3-й, а потом 6-й районной библиотеки. и в числе нескольких других товарищей, таких же подростков. действительно занимался тем, что свозил книги из брошенных квартир в одно место. Я не ходил в ревком ни с какой просьбой. Это делали старшие.

Таким образом, роль моя была очень скромной и не заслуживает упоминания.

Не говорю уже о деталях. Это был мул, а не осёл. Он был дан с тележкой. Фигура моя, вполне возможно, производила комичное впечатление. Но будёновки на мне не было: откуда ей взяться у подростка, который жил в Перми с родителями при Колчаке? Но это уже совсем не существенно. Существенно, пожалуй, то, что мы нашли много химической литературы не только у Тупицыных*, а и у Кобяка, который имел на Екатерининской улице заводик минеральных вод.

Ваша книжка, несомненно, содержит интересные данные, и я никак не хочу дискредитировать её, но я-то, я совершенно напрасно въехал в эту книжку на осле. А на книжке стоит весьма

* Тупицыны — пермские предприниматели, владельцы первого в Перми фосфорного завода. Основатель династии Е.К. Тупицын, выходец из крепостных крестьян, собрал уникальную библиотеку по химии. Его сыновья (один из них был женат на дочери известного краеведа и общественного деятеля В.Н. Шишонко) продолжали комплектовать её вплоть до отъезда из Перми. Колоссальная библиотека осталась в доме Тупицыных (ул. Большевикская, 210).

почтенная фирма «Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР». Страшно подумать! И вдруг — полумифический осёл!

Простите шутку.

Так как меня знают немного в городе, я вынужден послать копию этого письма в самые близкие учреждения, куда вы послали свою книжку: в центральную библиотеку, краеведческий музей, государственный и партийный архивы и, пожалуй, в техническую библиотеку завода им. С. Орджоникидзе.

Прошу Вас не обижаться на это, но мне очень не хочется, чтобы товарищи считали меня хвастунишкой, приписывающим себе чужие заслуги.

Б. Назаровский.

ГАНИ, ф. 90, оп. 12, д. 150.

ВОСПОМИНАНИЯ **Валерии Агеевой, жившей** **в семье Назаровских в 1918 году.**

Валерия Агеева родилась в Кунгуре в 1905 году. Её мать, Таисия Васильевна Агеева — владелица кожевенных заводов. Отец, Арсений Григорьевич Агеев — инженер. Агеевы, члены партии Народной свободы, активно участвовали в революционных событиях 1905—1907 гг. Общественные деятели, хорошо известные за пределами Кунгура.

В феврале 1918 года в Кунгуре для наведения революционного порядка организован карательный отряд А.Л. Борчанинова. Агеевы были убиты, тела их спущены в прорубь. (Подробнее об этом см.: Быстрых Т. «Пьяный обыск»: Неизвестная страница биографии перм. чекиста А.Л. Борчанинова // Веч. Пермь. — 1990. — 7 июля). Девочку по очереди укрывали у себя друзья и знакомые Агеевых, в том числе семья Назаровских.

Теперь точно гора у всех свалилась с плеч: и папу, и маму нашли и похоронили по христиански. Правду говорят люди, что Кунгур много потерял в лице Агеевых. В лице папы ум, а в лице мамы — бесконечно доброе сердце.

Мы не могли дольше оставаться в Кунгуре. Нас могли в один прекрасный день выселить из дома, да и не очень приятно было видеть, как всё имущество

продают с торгов. И постоянное нашествие комиссаров стало нам невмоготу. Каждый день дрожись, не идёт ли кто. Мы начали складываться. Я целые дни заводила фонограф, и всех заставляла слушать папин голос. Мы хотели уехать в Пермь, знали, что хорошие знакомые не прогонят нас и приютят.

Мы поселились у Ольховых. У них были запасы продуктов, так что голода почти совсем не ощущалось. Но всё же приходилось частенько стоять в очередях за хлебом, за постным маслом, за мылом, за спичками. Всё это выдавалось по карточкам, по очень маленьким порциям на человека. Я несколько раз ходила с ведёрком за водой, всегда в компании с Жоржиком Юрловым.

Ал. Арх. Ольхов уже давно сидел в губернской тюрьме

Каждый день ему туда приходилось носить обед. Частенько это делала я. Стоишь—стоишь, бывало, у ворот тюрьмы, пока привратник не возьмёт обед и не вернёт вчерашнюю посуду.

Наш адрес все старались держать в строгом секрете. А меня кунгурские большевики не теряли надежды запрятать в какой-нибудь приют и перевоспитать, чтобы агеевским духом не пахло, как они выражались. По одной моей фамилии могли нас всех накрыть, поэтому сношения с Кунгуром велись чрезвычайно осторожно.

Несколько раз мне приходилось рано утром ходить за 5 вёрст на Пермь-2 к приходу поезда. Крестьянки привозили продавать разные продукты. Публика на драку раскупала у них, что придётся. Зевать не приходилось.

В Зининой комнате жила девка-большевичка. Часто поздно вечером я не спала и слушала, как Жоржик наверху играет на рояле. Скоро и в нашу комнату вселился большевистский доктор, латыш Рейнер. Пришлось нам переселяться на квартиру. Когда переехали, у нас не было ни одной посуды, кроме чайника. Пошли по знакомым: к Назаровским, к матушке Ольге Николаевне Поповой, жене маминого законоучителя. Нас снабдили самым необходимым.

Мы дрожали над каждой каплей молока, если оно было. Стряпали всё, конечно, из ржаной муки, на постном масле, а скоромное, тем более сливочное, забыли, как и пахнет. Суп тоже варили постный. Юл. Мих. с Зиней ездили в Полазну за продуктами. На

пристани к каждому пароходу подходили комиссары, осматривали багаж пассажиров и отбирали продукты. Как только народ не ухитрялся провозить провизию. Бабы прятали её в свёртки, похожие на ребёнка, и тем спасали. А то обкладывали себя маслом на животе. Но все эти хитрости скоро узнали и стали следить ещё строже.

В один ужасный день мы услышали, что в Кунгуре расстреляна почти вся интеллигенция, кто не уехал. Через некоторое время в газете появился сначала первый список расстрелянных*, а затем второй.** Погибли самые лучшие люди: Пономарёв, С.Л. Сартаков, Порозов, двое Ануфриевых, Куталов, отец Влад. Белозёров, отец Павел Соколов и масса других. Не осталось в Кунгуре почти ни одного кадета. Но единственная женщина была мама. Печальные вести пришли к нам из Кунгура. Не было там дома, где бы не было горя и слёз.

Занятий в гимназии ещё не было, и мы с Зиной от нечего делать поступили в бесплатную художественную школу, где ничему путному не научились.

Жить становилось совсем невыносимо. Долго думали, как этому помочь, и решили поместить меня к кому-нибудь из знакомых, например, к Назаровским. Лидия Алексеевна Назаровская сразу согласилась взять меня, и мне самой очень хотелось жить у них.

Я перебралась к Назаровским. У них жила еврейская семья Авербух, так что кроме меня, Люси*** и Бори, были ещё трое: Алё, Гита и Натан. Обе семьи приняли меня удивительно сердечно. Они все жили дружно, и я сразу почувствовала себя членом семьи. Девочки, с которыми я помещалась, ухаживали за мной на первых порах ужасно: я у них была на правах маленькой. Натан и Боря, кажется, были для меня на всё готовы. Только Алё держался немного в стороне, как старший. Обе мамы, и русская, и еврейка, всегда так ласково и просто со мной обращались. Все мы, молодёжь, или «коммуна», сразу стали относиться друг к другу по-

*Ответ на белый террор//Известия Перм. губисполкома.— 1918.— Зокт.

**Растрелы мятежников и уголовных преступников//Известия Перм. губисполкома.— 1918.— 12 окт.

***Так домашние называли Ольгу Никандровну (1902—1938), сестру Б.Н. Назаровского.

товарищески, и так жить было ужасно весело. Теперь, когда около меня не было Наденьки и никого, на кого бы я могла кричать, у меня сделался на удивление хороший характер.

Обедать я каждый день ходила к Ольховым, а дома только пила чай. Бывало, каждый раз тащишь себе в муфте от обеда брусок чёрного хлеба к чаю. Случалось, прислуга Назаровских привезёт откуда-нибудь молока, тогда мне хоть насильно, а тоже нальют в чай.

Однажды придя к Ольховым обедать, я узнала, что Вл. Ант. Бабина* арестовали. И арестовали в театре, на «Лакмэ». Все за него страшно беспокоились, потому что аресты в то время почти всегда влекли за собой расстрел. Каждую ночь из тюрьмы уводили и расстреливали целыми партиями. Тётя Варя начала хлопотать, но всё напрасно. Она бросалась от одного к другому, просила, плакала, унижалась и совершенно теряла голову. Вл. Ант. был начальником милиции в Соликамске, и его обвиняли в том, что он агитировал против большевиков.

В городе в самом скором времени ждали белых. Тем вернее, что Вл. Ант. расстреляют. Он писал, что делает себе отметки на теле химическим карандашом, чтобы тётя Вера могла найти его тело.

На углу Сибирской и Петропавловской большевики воздвигли памятник из дерева и глины. А под памятником были красноармейские могилы без крестов**. Приближался день большевистской годовщины. На улицах строили всякие сооружения. В день годовщины была довольно красивая иллюминация. Бросали ракеты, везде были освещённые надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и т. п. Валя Владыкин постоянно возил мне что-нибудь от себя. Сам не доедал, а вёз мне. Например, баночку чёрной патоки, которую я ела с хлебом как лакомство.

Большевики начали беспокоиться: белые были близко. Началась эвакуация. Приближалось рождество. Однажды я проснулась утром часа в четыре, так как вдали слышались отдельные выстрелы. Вслед за мной

*В.А. Бабин — муж родной сестры отца Валерии, А.Г. Агеева.

**Имеется ввиду памятник Борцам революции по проекту Н.М. Гушина (Гладышев В.Ф. Промелькнувший талант//Пермский край: Краевед. сб.— 90.— Пермь, 1990.— С. 159—173.).

проснулись Люси с Гитой и все остальные. Выстрелы слышались всё ближе. Бухали тяжёлые орудия. Весь дом поспешно поднялся. Теперь было ясно, что идёт бой. Вдруг выстрелы раздались на самом углу дома Назаровских. Мы все вылетели из столовой и закрыли туда дверь. На улице стоял треск ружей. Мы все собрались в спальню к Никандру Матвеевичу*, который пластом лежал на кровати. Слышно было, как пули летели прямо в стёкла, а затем в стены и двери. Потом на самом углу поставили пулемёт, который жарил вниз по Оханской. Мы не особенно боялись, но все смиренно сидели и прислушивались к этому грохоту. Когда выстрелы немного утихли, мы вышли в столовую и увидели, что пулями пробито несколько окон и стена в нескольких местах, и дверь. Одна пуля вошла в бок рояля, прошла по струнам и засела в крышке, а другая взрыла пол и поцарапала педали. Выстрелы слышались уже в другом конце города. Мы видели в окна солдат в суконных шапках, на которые нацеплены маленькие веточки ели. Значит, город взят белыми. Меня не пустили идти обедать, так как на улице ходить ещё было опасно. Мы так и легли спать вповалку и одетые на полу в спальне, и все спали очень тревожно.

На другой день было уже можно ходить по улице. Везде приветливые лица. Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху. На Оханской лежал совершенно заледенелый труп какого-то большевика. Долго ещё потом его не убирали, а я за целый квартал обходила, чтобы не видеть.

Вл. Ант. остался жив, белые его освободили. Незадолго до взятия города арестантам велели одеться и собраться в общей камере. Их хотели эвакуировать пешком. Каждый знал, что по дороге их расстреляют, так как конвой собрался совсем налегке. Видимо, не собирались вести арестантов далеко. Они томились в общей камере, а их всё не уводили. Вдруг они услышали отдалённую стрельбу и поняли, что наступают белые. И с минуты на минуту стали ждать своей смерти. Неожиданно совсем рядом затрещал пулемёт. Тогда один арестант залез на плечи к товарищу и стал наблюдать из окна, что делается на улице. И вот с удивлением он сообщил остальным, что около тюрьмы какие-то солдаты разоружают тюремную

*Н.М. Назаровский — отец Б.Н. Назаровского был тяжело болен. Умер в январе 1919 года.

охрану. Но никто ещё не верил, думали, провокация. Наконец услышали шаги и стук отворяемых дверей. На пороге появился белый офицер и сказал: «Господа, политические, вы свободны!». Тут поднялось что-то невообразимое: кто плакал, кто молился, а кто прямо валялся в истерике.

Все готовились к Рождеству, и я стала думать, как бы уехать в Кунгур. Мы придумали сходить к П.С. Сартакову, который скрывался в Перми под видом рабочего, и теперь, наверное, поехал домой. Разыскали его. Он действительно уезжал в Кунгур на лошадях и согласился взять меня. Я скакала от радости. Назаровские очень жалели, что я уезжаю. С моим отъездом понемногу распадалась вся наша «коммуна». Мы все снялись на карточку, но они ещё не были готовы. Боря и Натан донесли до Ольховки мои пожитки. Меня закутали, снарядили. Мы хорошо ехали. На одной станции ночевали. И наконец доехали до Кунгура, куда я так рвалась.

В июне 1919 года, незадолго до взятия Перми красными, Валерия Агеева с семьёй Ольховых эвакуировалась в Сибирь. Там, в Омске, написала воспоминания, отрывок из которых здесь опубликован. Тогда же она начала вести дневник, сохранившийся до нашего времени.

Уехали из «освобождённой Перми» и Юрловы, и матушка Ольга Николаевна Попова, все, кто упомянут в этих воспоминаниях, практически весь круг знакомых и друзей Назаровских. Уехали все, кто сумел. В июле 1919 года в Перми стояли сотни пустых домов, брошенных «бежавшей буржуазией».

Воспоминания подготовила к публикации Т.И. Быстрых.

Л.Г. ДВОРСОН.

СЧИТАЮ СВОИМ НАСТАВНИКОМ

С первых дней моей работы в Пермском областном краеведческом музее мне удалось познакомиться с Б.Н. Назаровским. Он был тогда главным редактором областного книжного издательства. В 1950 году я пришла работать в музей буквально со студенческой скамьи, после окончания Пермского госуниверситета. Можно представить себе, сколько трудностей навалилось на молодого директора, совершенно не знакомого

с хозяйственной работой. Думала, отработаю три положенных года, и уйду в школу. А проработала в музее без двух месяцев 31 год. И во многом благодаря Борису Никандровичу. Он был первым человеком, ободрившим меня, вселившим надежду. Говорил Борис Никандрович всегда очень убедительно и доброжелательно. Я считаю его своим первым наставником и учителем.

В то же время он был требовательным и взыскательным редактором. Когда мы обратились к нему с великой просьбой помочь музею возобновить издательскую деятельность, прерванную в тридцатые годы, то получили не только моральную поддержку. Назаровский стал первым редактором сборника «На Западном Урале». И даже название сборнику придумал он. Мы считали его своим «крёстным отцом». С его лёгкой руки пошла и дальше работа, на протяжении двадцати четырёх лет вышло шесть сборников «На Западном Урале». Но первый выпуск рождался в муках. Нужно было одновременно и доставать бумагу, и работать с авторами. Первый опыт работы молодого по возрасту и малочисленного тогда состава научных сотрудников музея был той школой, которую мы прошли под руководством Бориса Никандровича.

В 1952 году Б.Н. Назаровский стал бессменным, до последнего дня своей жизни, членом Учёного Совета музея. Вспоминаю такой разговор по телефону.

—Борис Никандрович, мы вас включили в состав Учёного Совета музея. Вы будете у нас одним из почётных членов.

По молодости и неопытности я назвала его «почётным», имея в виду то уважение, с которым музейщики относились к этому прекрасному, мудрому человеку; Борис Никандрович при всей своей интеллигентности, тактичности в обращении с людьми, резко оборвал меня:

—Я не хочу быть «почётным», хочу активно участвовать в вашей работе.

Большое внимание уделял Борис Никандрович искусству Прикамья, пропаганде знаменитого «пермского звериного стиля». Именно он поднял вопрос о том, чтобы в герб города Перми обязательно вошел образ медведя—из старого дореволюционного герба. К его мнению прислушались художники М.В. Тарасова и Е.И. Нестеров—авторы герба. Прислушались потому, что знали: Б.Н. Назаровский—глубокий исследователь и неутомимый пропагандист знаний о родном крае.

25 лет тому назад на I-м учредительном съезде в Москве было образовано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Вскоре в Перми состоялась областная учредительная конференция. В состав Президиума областного

Совета был избран и Б. Н. Назаровский. Он активно помогал становлению Общества. Понимая, что для сохранения историко-культурного наследия необходимы огромные средства, Борис Никандрович предложил открыть в Перми ювелирно-гранильный завод. Задумывалось, что завод будет производить изящные изделия из местного камня в сочетании его с металлом и деревом с учётом нашей уральской тематики, прежде всего пермского звериного стиля. И эта мечта Б.Н. Назаровского осуществилась. Обществу помогли местные органы власти: выделили помещение, средства на приобретение оборудования, станков, сырья. Изделия завода очень скоро завоевали популярность. Они демонстрировались на международных ярмарках в Москве, Осаке, Лейпциге и других городах. Часть прибыли завода перечислялась на счёт общества. Деньги шли на музей в Хохловке, на реставрацию памятников истории и культуры. Правда, когда завод стал высокорентабельным, Управление местной промышленности отняло его у Общества. Завод действует по сей день. Первым директором его стал геолог, участник Великой Отечественной войны Игорь Эмильевич Залкинд. А рекомендовал его на эту должность Б.Н. Назаровский.

А как он «воевал» с учёными из Госуниверситета за признание 1723 года как года основания нашего города, сколько было в связи с этим дискуссий, споров. Но аргументы Назаровского победили. В 1973 году город отметил своё 250-летие. А сейчас мы готовимся встретить уже 270-летие Перми.

Светлая память о Борисе Никандровиче Назаровском будет жить в сердцах его учеников.

Е.Д. ХАРИТОНОВА.

ЖИВЫМ ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ МОЕЙ

Среди друзей музея он выделялся не столько высоким ростом, сухопарой фигурой и характерным профилем с бородкой, сколько особой манерой держаться, разговаривать с людьми так, что вам казалось, будто вы и есть самый интересный для него собеседник. Его отличала независимость и чувство собственного достоинства, присущее интеллигенции старого поколения.

Наше знакомство произошло в отделе дореволюционной истории, где часто бывал Борис Никандрович Назаровский. Кажется, познакомила нас Эмилия Павловна Андерсон, заведующая отделом. Она любила беседовать с ним и нередко

вступала в острые дискуссии относительно некоторых политических аспектов нашей истории. Когда в конце 60-х гг. перестраивалась экспозиция «первой русской революции в нашем крае», она стремилась показать не только работу большевиков, но и острую борьбу партий. Однако не только партия кадетов, к которой принадлежал Никандр Матвеевич Назаровский (отец Б.Н.), известный в Перми врач и редактор газеты «Камский край» в 1906 году, но и мелкобуржуазные партии «не прошли» по соображениям начальства и цензуры обллита. Пришлось убрать из экспозиции интересный фрагмент политической борьбы, фактически имевшей место. Б.Н., узнав об этом, был совсем не огорчён, в отличие от сотрудников отдела. Посмеиваясь в бороду, он старался превратить в шутку даже взрывоопасную ситуацию. Если, конечно, речь не шла о принципиальной позиции, которую он считал, нужным отстаивать до конца. В данном же случае его жизненный опыт подсказывал, что не следует предаваться грусти.

С большим интересом отнёсся он к первым попыткам отдела истории найти современников И.Ю. Петровского, основателя первого книжного магазина в Перми. Радовался моим находкам, обнаруженным в результате встреч с вдовой внука Петровских, воспитанницей этой семьи, и старожилками города, часто посещавшими «Книжный магазин Ольги Петровской». Именно Б.Н. подсказал мне номер следственного дела в ГАПО периода революции 1905—1907 гг. Итогом этого сотрудничества стала интересная статья, опубликованная в сборнике «250 лет Перми». Живо интересовался он и экспедиционной работой музея. А может, даже и завидовал своему коллеге А. Граевскому, который ездил с Э.П. Андерсон в экспедиции на север области. Всегда он умел радоваться чужим успехам.

На музейных заседаниях и конференциях выступления Бориса Никандровича отличались нестандартным мышлением. Он был нетерпим ко лжи, несправедливости, фальсификации и мог убедительно доказать неправоту собеседника или оппонента. Особенно это проявилось в ходе любопытнейшей дискуссии конца 1960-х — начала 70-х гг., в которой приняли участие большинство патриотов Перми. Речь шла об установлении достоверной даты основания нашего города. Не вдаваясь в подробности, скажу, что заслугой Б.Н. Назаровского явилось празднование в 1973 году 250-летия Перми. Вот выдержка из его письма мне от 23 августа 1971 г.: «Весной я два месяца отдал вопросу о возникновении города Перми и представил горокому и горисполкому пространную записку (60 страниц на машинке), начисто опровергавшую справку, которую дал по этому вопросу властям Ф.С. Горовой, и избобличающую его, Горового,

в фальсификации документов и материалов и элементарной безграмотности в вопросах марксистско- ленинской теории. А он, Горовой, добился того, что группа историков (Волин, Черемных, Маханек, Капцугович и ещё кто-то) присоединила к этой справке своё заявление, что они целиком и полностью разделяют все положения Горового.

Горком пока тянет. А Горовой эту справку публикует в качестве статьи в Археографическом ежегоднике... Но я пойду на всё (заявление в Археографическую комиссию АН СССР, письмо в редакцию «Архивного дела» или «Советские архивы», рецензию в «Урал», так или иначе статью в «Вечернюю Пермь» и т.д.), чтобы разоблачить фальсификации Горового, который оказался человеком просто непорядочным».

Адское напряжение, которое сопровождало Б.Н. в этой «дискуссии века» пермского масштаба, дало о себе знать. Это был последний год жизни Бориса Никандровича.

Нас сблизил с ним не только интерес к истории. Вероятно, имел значение и обоюдный интерес к жизни во всех её проявлениях. Среди его подарков мне—книга «Замечательное дело» (Пермь, 1970 г.), в работе над которой Борис Никандрович, возможно, впервые почувствовал, что он ещё и историк по призванию. Книга явилась серьёзным фактологическим комментарием к статье Ленина «Замечательное дело» (1913 г.). Это—история длительной земельной тяжбы, которую вели после 1861 г. мастеровые уральских заводов Строгановых.

Круг интересов Б.Н. был чрезвычайно велик. Помимо истории края, он интересовался фольклором, собирал материалы о старообрядцах. В его огромной библиотеке было немало дореволюционных изданий, в том числе, например, русские сказки, собранные А.Н. Афанасьевым.

В последние годы Назаровский сделал массу выписок о медведе. Это было связано с обращением к истории герба Перми. Верность медведю фигурирует и в нашей переписке, которая продолжалась, когда я уехала в Карелию работать в институте истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР. Он живо откликнулся на сообщение о моей встрече с медведем вблизи соснового бора у пос. Кончозеро. Приведу фрагмент письма от 29 сентября 1971 г.: «Не менее благодарен я за ваше сообщение о встрече с медведем. Ещё одно подтверждение того, константированного множеством сказок, легенд и рассказов факта, что медведи склонны утаскивать к себе женщин. Вы разумно бежали к людям. А то женщинам приходится жить с медведями много лет, пока не придёт чудесное избавление. Защита кандидатской диссертации чуть-

чуть было не сорвалась. Прошу об этом заметить, что заинтересованность в таком сближении с представителями (представительницами) рода человеческого проявляют именно медведи. Медведицы менее агрессивны, хотя Афанасьевым зарегистрирован случай, когда медведица утащила мужчину. А кто бы это был? Сельский поп! Какой скандал!»

Лето 1971 года—последнее лето жизни Б.Н.—выдалось на редкость неустойчивым. Тем не менее Б.Н. Назаровский провёл его в своём домике на Винном заводе, который памятен многим пермякам, побывавшим там. В конце августа он писал, что «стойко перенёс все холода и жару. И лишь теперь удрал от непогоды. Не люблю длинных осенних ночей... скоро, наверное, переберусь вообще в город и начну работать. В отличие от прошлых лет, я нынче в деревне ничего не делал, предоставил себе полный отпуск. Скоро вернусь к «Медведю».

Отпуск был ему крайне необходим. Слишком много сил отдал Б.Н. Назаровский борьбе за обоснование первоначальной даты Перми. Это сказалось на здоровье.

Он очень любил жизнь. Его интересовало всё. Животливо откликался на письма о Карелии, сожалея, что не довелось там побывать. Бурно радовался подаркам—книгам Карельского книжного издательства. Высоко оценивал его продукцию: «Они (книги) отлично сделаны и в литературном отношении, и издательски. У вас вообще делают хорошие книги. Не так давно мне попала на глаза повесть А. Линевского «Листы каменной книги». Купил и прочёл. И мне что-то понравилось. По-моему, убедительно и достоверно. Давно не бывал у Андрея Ромашова. Ему надо показать»...И ещё сожаление: «Вы там в своей автономной республике вообще вольно живёте. Видел на днях в книжном магазине солидную книгу «Слепни Карелии». Вот так! У нас издание подобной книги, безусловно, исключено».

Он знал, что мне не хватало Перми, и постоянно морально поддерживал меня: посылал мне книги, изданные в Перми («Сказки Прикамья» и др.). Огромное ему спасибо!

«В моём представлении это красивая и поэтическая страна»,— писал он, опираясь на книжные знания о Карелии и «Калевалу».

В чудную пору белых ночей я заканчивала свою диссертацию о солеварении в Прикамье в 18 веке. Окно квартиры, которую я снимала, выходило на Онежское озеро. Вспоминались пушкинские строки: «Пишу, читаю без лампы»... В ответ на просьбу посмотреть мою диссертацию опытным оком, Борис Никандрович написал: «Диссертацию вашу прочесть не обещаю. А вот если вы сочтёте целесообразным, могу

принять на литературную правку автореферат. Отредактировать лист для меня не труд, а ваше дело — принять или отклонить мои поправки. Это просто в порядке взаимных услуг». Можно представить, как я обрадовалась, получив такой ответ. С благодарностью вспоминаю о его бескорыстной помощи.

В день защиты я получила от него подарок. Он был настолько уникален, что позволю себе сказать об этом. На зелёном конверте трудночитаемым почерком было написано: «Распечатать, посмотреть и прочесть только в Петрозаводске или Москве, обязательно в присутствии друзей, приятелей, товарищей». Внутри находился камешек, изображающий спелёнутого ребёнка (найден при археологических раскопках в г. Перми). Я храню его, как талисман, вместе с чудесными словами напутствия замечательного человека.

В ноябре 1971 г. Б. Н. Назаровский рассказал о своей мечте написать книгу «Как возник город Пермь. Сборник документов и материалов» с приложением подлинных карт и планов Егошихинского завода 18 в. Собирался привлечь к работе над книгой Черкасову, Хитрова, Козлова, Степанова, Ястребова. «Считаю, что вас уже привлёк», — писал он. Б. Н. думал и о портретах Татищева и Геннина, схемах перемещения торговых путей из России в Сибирь, гербе Перми и краткой хронологии — как приложениях. То есть, проспект книги был им полностью продуман. В последнем письме он снова пишет об этой задумке, внеся коррективы в название: «Как возник город Пермь. Егошиха — Пермь в 18 в. Документы и материалы» или в другом варианте: «Пермская старина. Егошиха — Пермь в 18 в. Сборник к 250-летию Перми». Планам его не суждено было осуществиться... Последнее письмо датировано 12-м февраля 1972 года. Я получила его в Петрозаводске уже после смерти Бориса Никандровича. Вместе с письмом пришла бандероль с книгой: «Как были открыты Уральские горы». На ней — дарственная надпись: «...в качестве напоминания о родном крае». В письме он радовался миниатюрному изданию «Калевалы» (моему подарку). Сетовал на нездоровье, но ещё собирался выступать в музее перед аудиторией («пока я оружия не складываю»). Сообщив о своей поездке в санаторий под Москвой, дал адрес: «Учитывая время, пишите туда, а если будете в Москве, в частности, 11 марта, когда у меня будет день рождения (68 годков) вдвали от родного края...».

Но 11 марта 1972 года его не стало. В моей же памяти он остаётся живым и по сей день.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Из воспоминаний о жизни писателя в Перми

...Нашему брату, молодым литсилам повезло: в издательстве царила «мама Римская», то есть директорствовала Людмила Сергеевна Римская, изворотливая, толк в хозяйствовании и людях знавшая, литературу и литераторов, особенно молодых, любившая не менее, чем своих родных детей. В пристяжке—ироничный, тонко воспитанный меломан, эстет, проницательный человек и читатель—Борис Никандрович. Не всякого якова он подпускал к себе, не всякому оказывал доверие и, тем более, наделял дружеским расположением. Я удостоился всего этого, хотя поначалу с трибун посрамлял начальника своего, называл душителем талантов, сатрапом и деспотом, и ещё как-то уничижительно-обличающе. Старик имел ко мне большое отеческое снисхождение, помог найти и купить избушку в деревне Быковке: в речке Быковке водился хариус, я его ударно ловил и там же, в деревушке, начал упорно писать. У Бориса Никандровича неподалёку, в посёлке под названием «Винный завод», на берегу Камского водохранилища, была дачка, переделанная из баньки. У него здесь пили водку и закусывали дарами природы литературные знаменитости и друзья молодости: Аркадий Гайдар, Василий Каменский, Савватий Гинц, художник Широков и многие другие. Как я, бывало, появлюсь на «Винном заводе», Назаровский, усмехаясь, и скажет: «Виктор Петрович, позвал бы сатрапа-то на ушку». Я и звал, потому как Быковка располагалась в двух верстах от «Винного завода». Мы подолгу с ним беседовали, и незаметно, без демонстрации обидного превосходства Борис Никандрович образовывал мой читательский, музыкальный и прочий вкус. Он первый мне сказал, прочитав мои «Уральские» рассказы и, естественно, роман, чтоб я не насиловал свой дар, не приспособливал его к «неродной стороне», пел бы свою родную Сибирь и сибиряков. Долго живший и работавший в Омске редактором областной газеты, он смог помочь студенту местного сельхозинститута, начинающему прозаику Сергею Залыгину. Затем вот и мне.

Назаровский, да и я тоже шибко были огорчены, когда пришлось нам расставаться, переезжать с Урала, всю мне душу истерзавшего. Но связь наша не прерывалась до самой смерти Бориса Никандровича. Когда я написал и опубликовал повесть «Пастух и пастушка», Борис Никандрович первым откликнулся большим, отеческим письмом, сказавши в нём, что вот он, слава Богу, и дождался, что я начал реализовать себя на том уровне,

какой мне определил господь. А когда я появился в Перми, сказал, что «Пастушка» моя уже написана в музыке, и подарил мне пластинку с Пятой симфонией Шостаковича, которую я, увы, никогда не слышал потому, что это произведение раньше почти не исполнялось, да и ныне исполняется редко. Спустя восемнадцать лет после войны, мы получили долгожданную квартиру, и тогда я запомнил навсегда родившуюся в ту пору поговорку, что жизнь советского человека делится на две половины: до получения квартиры и после получения таковой. Квартира сдана была нам без света, без воды, без газа, с бетонными пробками в трубах и вывороченной плиткой в совмещёном туалете. Стенки её едва дышали. «Зала» была проходной, семья накопилась—пять человек. В ту пору без избы в деревне работать было невозможно. Вот тогда-то и свёл меня Борис Никандрович Назаровский в деревню Быковку, и для меня наступили счастливые дни и годы плодотворной работы...

Звезда.—1993.—19, 20 янв.

ПИСЬМО

Б.Н. Назаровского — В.П. Астафьеву

26 января 1972 г.

Кругом Астафьев. Включишь телевизор — Астафьев, включишь радио — Астафьев. Включать утюг не пробовал, но всё возможно в наш век технического прогресса.

Вообще-то я стараюсь реже включать современные каналы массовой информации, но тут приболел немного, сидел (и сижу) дома, и нельзя же всё время читать и писать...

Сначала я смотрел передачу (нашу пермскую) о выставке художников Урала, Сибири и Дальнего Востока в Москве. Её вела Агата Григорьевна Будрина. Были вмонтированы записи выступлений на заключительном обсуждении выставки. И один из искусствоведов, а затем и художник московский говорили о портрете писателя Виктора Астафьева, как об одной из лучших в этом жанре работ за все последние годы. И хотя портрета на выставке не было (он путешествует по заграницам), Агата Григорьевна вмонтировала его в передачу. Отличный портрет.

Выключил телевизор. Неожиданно позвонила Светланка, племянница: — Смотрите ли? Там Астафьев...

Включил, действительно, Виктор Петрович сидит, откинувшись, в креслах и очень гладко говорит.

А на следующий день по местному радио передача: «С чего начинается Родина». Разговор о книге Виктора Астафьева «Последний поклон». Немного непонятная передача. Был не разговор, а рассказ, чей — не сказали...

Всё это и побуждает меня написать вам.

Человек я старый, и так как привык всегда использовать в личных (хотя и не корыстных) целях всякое своё положение, то и использую сейчас это единственное положение старого человека, которое позволяет поворачать даже на знаменитости.

Виктор Петрович! Вы рискуете перестать походить на свой портрет. Не для этого вас писал Женя Широков. Портрет вас связывает и обязывает. Извольте походить на себя!

Вам нельзя сниматься откинувшись: видно брюшко. Вам нельзя позволять снимать себя снизу, с подбородка: лицо получается припухлое. Вы куда лучше (но не идеально) выглядите с наклоненной вперёд головой (когда читали). Ближе к портрету.

Но возникает и общее сомнение: полезно ли вам вологодское масло? Не полезнее ли вам быковская картошка? Не надо ли вам посоветоваться с врачами, установить для себя режим питания и жизни? Подходят годы, когда надо, безусловно надо заботиться о себе и держать себя в форме.

Вам нельзя не умирать, не зажиреть. От вас человечество ещё должно получить многое. Не следует расходовать своё сердце на обслуживание разжиревшего организма: на этом сердце быстро перетруждается, а оно нужно для другого. Знаю все ваши возражения, знаю, что вы можете раздражённо сказать: что он мешает не в своё дело! И всё же пишу.

Прошлое, сделанное — связывает и обязывает человека. Не только и не столько, конечно, портрет, на котором видны ваши бойцовские качества, в частности — умение взвесить свои силы. Обязывает «Пастух и пастушка».

Об этой повести мало пишут. Возможно и замалчивают. Есть такой приём. Глубоко уверен, что она станет куда более известной в будущем и останется как художественное свидетельство нашего века в памяти народа. О «Последнем поклоне» справедливо говорили, что произошёл переход от автобиографических рассказов к большому философского порядка обобщению (об этом последнем не глубоко говорили). Ещё большая сила художественного обобщения в энергичной мысли, глубоко устремлённой к человеку, в «Пастухе и пастушке». И какой-то круг людей, может быть, не столь широкий, но важный для вас, художника, ждёт от вас многого, ждёт большего. Почему-то я уверен, что вы не исчерпали своих возможностей роста, хотя, жду «Затесей», жду ещё более широких обобщений.

Правда, я на месте вашего Союза писателей поступал бы с такими людьми, как вы — людьми, одарёнными от природы и показавшими, что они способны использовать своё дарование, по-иному. Я бы прикреплял к каждому из вас двух-трёх настоящих профессоров, обеспечивал бы вам на три-четыре года целковых по 500 из Литфонда (в месяц) и побуждал бы учиться. Античную культуру, историю своего народа, начиная с первобытных времён, историю философской, художественной и политической мысли надо постигнуть всем таким людям. Вот прикрепить бы вас к Арсению Владимировичу Гулыге, о книгах которого я вам говорил, кажется, чтобы он давал вам задание, что прочесть, и встречался бы с вами раз в четыре-пять месяцев, чтобы просто поговорить.

Общение с людьми высокой духовной культуры вам, человеку вполне сложившемуся, никак не повредит, не порвёт связей с землёй, свежести ощущения природы не нарушит. Оно

обогатит, разовьёт художнический глаз. Способности этого глаза очень велики.

Для всего этого надо держать себя в форме, быть к себе требовательным во всём. Ничего не сделаешь — талант жестокий дар.

Сегодня ночью я решил высказать вам всё это.

Вчера, 25 января, было семь лет со дня смерти Ирины. Обычно я заранее напоминаю Сергею и зову его. А тут забыл. Он пришёл сам, вспомнил и мать, и приёмного отца, — молодец, и притащил бутылку хорошего коньяка. Пришла и Светлана. Вот мы и выпили, а ночью я допивал остатки, вспоминал и думал.

Ужасное дело смерть. Об этом ведь и «Пастух и пастушка». Мучительно и трудно билось, не поддаваясь ей, сердце Ирины. Потом врач говорила мне, что при её пороке сердца — чудо, что она дожила и до 50 лет. А ведь сейчас, семь лет спустя, уже умеют с такими заболеваниями бороться, уже могли бы её и отстоять.

Смерти не надо поддаваться. Никакой. Против неё борьба. И только в движении вперёд победа.

Простите, Мария Семёновна и Виктор Петрович, если я что не так написал. Отнесите это за счёт старости и коньяка (хотя я давно уже вполне протрезвел и хорошо отоспался).

Не забывайте Перми и Быковки.

Всего вам доброго.

ГАНИ, ф. 90, от. 12, д. 132, л. 1—4.

М.Н. Степанов

УРОКИ НАЗАРОВСКОГО

Б.Н. Назаровский оставил заметный след в моей жизни, оказав ощутимое воздействие на моё формирование как исследователя-краеведа, даже как человека вообще, хотя личных встреч у нас было сравнительно немного.

Впервые довелось встретиться с ним немногим более сорока лет назад. Я заканчивал Московский университет, работал над дипломной темой «Экономико-географическая характеристика города Молотова». Тогда, в 1952 году, комплектовался очередной 17-й сборник альманаха «Прикамье». Теперь не припомню, как о моём материале стало известно в местном книжном издательстве. Скорее всего, контакты с ним возникли через В.И. Рябухина, друга юности, который тогда, после окончания педагогического института, подрабатывал на жизнь

в качестве корректора в этом издательстве. Не чужд он был и пермскому краеведению.

Как бы там ни было, мы вдвоём с ним написали краеведческий очерк «Наш город», для «солидности» названный экономико-географическим. Речь, разумеется, шла о Перми или, по-тогдашнему, Молотове. В альманахе его приняли и через некоторое время сообщили, что на рецензию отдали «самому» Борису Никандровичу Назаровскому. Это известие на нас нагнало страх: как же, главный редактор издательства снизошёл до безвестных авторов, молодых-начинающих, совсем «зелёных»...

Заходя в издательство, я ещё до рецензии неоднократно мельком видел Бориса Никандровича, но почтительно сторонился его. Мне он казался недосыгаемым на своём Олимпе.

...Но вот рецензия у нас на руках. Несколько страничек на машинке. Общая доброжелательная тональность, но немало замечаний. Главные — текст неприемлемо сухой, совершенно «забыт» человек. Вывод: поскольку авторы мне неизвестны, не знаю справятся ли они с доработкой очерка. И тут нельзя не помянуть добром членов редколлегии альманаха Людмилу Сергеевну Римскую и Клавдию Васильевну Рождественскую, которые приободрили нас, ознакомили с секретами технологии доводки текста к сдаче в производство.

За доработку мы взялись горячо, со всей энергией молодости. Она для нас стала делом принципа: во что бы то ни стало учесть советы мэтра. Нас воодушевило то, что путеводная нить была дана не кем-нибудь, а самим Назаровским. Конечно, нам он был известен задолго до этих событий как один из авторов широко известной тогда книги «Западный Урал в Великой Отечественной войне» (совместной с В.Ф. Тиуновым), как многолетний редактор областной газеты «Звезда». Его имя было на слуху.

Нам польстило и его предельно серьёзное отношение к нам, только вступающим на стезю краеведения, и высочайшая требовательность, без каких-либо скидок на нашу молодость и неопытность, и, наряду со всем этим, неподдельная доброжелательность. Конечно, очерк пришлось изрядно «перелопатить». Там, где было уместно, вносились указания на конкретных людей — передовиков производства, инженеров, учёных, артистов, писателей... Текст «оживлялся» также с помощью цитат из Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.И. Мельникова-Печерского, других авторов. Был использован и такой приём, как рассказ о «микрореографии» города в виде воображаемого путешествия по нему.

В процессе работы мне пришлось уехать в Москву для продолжения учёбы, так что основная тяжесть доводки пала на В.И. Рябухина. Это была наша первая краеведческая публикация. Вскоре она вылилась в книгу «Город Молотов». И «крёстным отцом» её был Б.Н. Назаровский.

Таким образом, ещё «на заре туманной юности» от Б.Н. Назаровского был получен первый урок — урок требовательнейшего отношения к «оппоненту» вне зависимости от его «веса» в науке и обществе, без скидок на его молодость и неопытность, причём неотъемлемой частью этой требовательности была действительная помощь в виде «адресных» советов.

И одновременно был получен второй урок: мы на всю жизнь усвоили ту простую истину, что для массового читателя (да и не только для него!) надо писать живо, с выдумкой, вызывать у него интерес, стремление дочитать попавшуюся в руки вещь до конца.

Третий урок относился к экономии времени, бережного отношения к нему.

Однажды в 1956 году, когда готовилась книга «Пермь» (выпущена местным издательством в 1957 году), причастных к ней собрали в Пермском горкоме КПСС. Среди приглашённых были Б.Н. Назаровский и я. Как нередко бывало, к назначенному времени собравшихся не приняли. В ожидании совещания люди разбрелись «по кулуарам», коротая время в разговорах. Борис Никандрович в отличие от остальных скромно устроился в уголке приёмной, развернул папку и, отрешившись от окружающей сутолоки, углубился в просмотр взятого с собой материала. И пока мы праздно слонялись, он за те полчаса, которые «подарило» нам начальство, успел выполнить какую-то работу. Вот наглядный образец продуманной организации труда!

Он стремился экономить не только своё, но и чужое время. Примечательны беседы с ним, совещания, которые он проводил. Всегда он сразу приступал к сути дела без каких-либо предисловий, «разминок». Говорил он по существу, не отвлекаясь на посторонние темы, ёмко, но отнюдь не сухо...

И тут мы подошли к едва ли не главному уроку Б.Н. Назаровского — уроку мастерства речи. И письменной и устной. Несмотря на лаконичность, его речь покоряла образностью, эмоциональностью, была насыщена ассоциациями, сравнениями, поражала эрудицией, высокой интеллигентностью. Хотя, разумеется, подобной цели он специально перед собой не ставил; так у него получалось невольно, «само-собой»: интеллигентность скрыть невозможно, как и, повторяя мысль академика Д.С. Лихачёва, притвориться невозможно интеллигентом. И что

теперь особенно общественно значимо: его речь была правильной, культурной, подлинно литературно-русской. Невольно вспоминаешь её, когда в уши всё время рвётся косноязычие, которым изобилуют современные радио, телевидение, окружающая бытовая повседневность...

Урок интеллигентности — так можно обобщить всё, сказанное выше о Б.Н. Назаровском.

Но подлинная интеллигентность — это не только культура речи, поведения, взаимоотношений с людьми. Это ещё и активное, заинтересованное отношение к жизни. Вот оно-то было в высшей степени свойственно Борису Никандровичу. В этом смысле он — типичный интеллигент.

Здесь уместно вспомнить два эпизода из его жизни.

...В 1950—60-е гг. мы были одержимы новым строительством. В те времена сооружалась Камская и Воткинская гидроэлектростанции, воздвигались гиганты химии и цветной металлургии в Березниках и Соликамске, выросла нефтехимический комбинат в Перми, причём с наветренной стороны относительно главного ядра города. Наряду с этим как бы на задворки нашего сознания отснялись факты многократного усиления давления на природу со стороны хозяйственной деятельности человека, рост вредных выбросов в атмосферу и воды. Причём тогда существовали строгие цензурные ограничения на публикации о пакостях, наносимых производством природе.

И вот как-то весной 1965 года ко мне домой позвонил Борис Никандрович. «Надо выступить в защиту Камы» — этими словами он начал разговор. Речь пошла о загрязнении реки, о незамедлительной необходимости обратить внимание жителей Прикамья на буквальное её умерщвление, происходящее на наших глазах. Я выразил готовность принять участие в работе над будущей публикацией, но оно ограничилось этим разговором. К сожалению, сейчас не упомяну, какой именно информацией мне довелось снабдить собеседника и насколько она была использована, лишь следующий этап моего участия в этом деле вылился в учинении подписи под уже готовым текстом, озаглавленным «Кама зовёт на выручку». Он был помещён в молодёжной газете «Молодая гвардия» 6 июня 1965 года. Активное участие в подготовке публикации, помнится, принял Роберт Петрович Белов, на встрече с которым она, собственно, и была мною подписана. Среди подписантов, помимо троих упомянутых, также были известный краевед, тогда преподаватель университета С.Ф. Николаев, писатели Л.И. Давыдычев, О.А. Волконская, Л.Н. Правдин, художники А.И. Репин и А.Н. Тумбасов, журналист К.М. Кузнецов.

Публикация вызвала широкий общественный резонанс. В газете прошёл ещё ряд выступлений под общей рубрикой «Беречь колыбель жизни». А в конце августа было принято постановление бюро Пермского обкома КПСС об усилении охраны водоёмов и рационализации использования водных ресурсов.

Второй эпизод связан с борьбой — именно борьбой в настоящем смысле этого понятия! — за выявление истинной даты основания города Перми. Полемика Б.Н. Назаровского с проф. Ф.С. Горовым по этому вопросу получила огласку в связи с публикациями в книге «Пермский край» (Пермь, 1992). Но теперь мало кто помнит, что в той же «Молодой гвардии» осенью 1968 года была проведена дискуссия о времени возникновения города. Возможно, к её организации Борис Никандрович имел какое-то касательство. Во всяком случае у нас были разговоры на эту тему. В известной степени их плодом стала статья «Пермь — не исключение», написанная мною совместно с преподавателем университета П.Н. Чепкасовым и помещённая в рамках дискуссии. В ней за дату начала Перми безоговорочно принимался 1723 год, причём подчёркивалось, что для городов Урала, выросших из заводских посёлков, характерно запаздывание времени официального признания их городами по сравнению с фактическим основанием; Пермь не была исключением в их ряду.

В связи с этим вспоминаю, как Борис Никандрович развивал идею, что ему, по принципиальным соображениям гораздо важнее вести биографию города от возникновения заводского рабочего коллектива медеплавильщиков (то есть от 1723 года), чем от указа императрицы, насаждавшего здесь гнездо чиновников (то есть от 1781 года). Позицию Ф.С. Горового, обосновывавшего вторую точку зрения, он считал аполитичной, чуждой классовому подходу. Подобную «политизацию», конечно, сегодня можно рассматривать по-разному, но Б.Н. Назаровский был сыном своего времени. Как, впрочем, и автор этих строк. Поэтому такой поворот мысли старшего товарища произвёл на меня большое впечатление и, чего греха таить, тоже был воспринят в качестве важного урока...

В заключение имею все основания поблагодарить судьбу за то, что она свела меня с такой незаурядной замечательной личностью как Борис Никандрович Назаровский.

ВСПОМИНАЯ БОРИСА НИКАНДРОВИЧА

Этого удивительного человека я знала с молодости. Он был достаточно заметной фигурой в городе — человеком талантливым во всём, деятельным, энергичным. Его всегда отличала прямота и смелость суждений. Одни его горячо любили и почитали, другие побаивались, третьи явно недолюбливали и опасались.

Я видела его неоднократно на общественных собраниях, камерных и симфонических концертах вместе с женой — журналисткой Ириной Николаевной, оперных и балетных спектаклях, где мы часто тогда бывали.

В середине 50-х годов, когда я пришла работать в галерею, часто встречала его на вернисажах.

Настоящее сотрудничество и дружба с ним начались с того времени, когда Борис Никандрович написал своё знаменитое «Письмо товарищам, любящим наш край». Это было в 1964 году. Назаровский делился мяслями о необходимости обращения к далёкому прошлому — незаслуженно забытому искусству нашего края. Речь шла о памятниках первобытного искусства Прикамья — произведениях Пермского звериного стиля.

Два года потребовалось нам на изучение материала и создание в художественной галерее выставки, в которой Борис Никандрович принимал живейшее участие. Это было счастливое время. В оргкомитет вошли учёные-археологи, этнографы, краеведы, искусствоведы — люди, искренне заинтересованные в результате. Это В.А. Оборин и В.П. Денисов, Л.С. Грибова и И.А. Лунегов, Ю.Ф. Екубенко и Л.Ф. Дьяконицын, А.В. Оборин, А.А. Черняк, Н.А. Митрополов, Л.Г. Дворсон, Э.П. Андерсон и другие.

Мы объехали все музеи области, тщательно отобрали памятники, уговорили, убедили предоставить их нам. Это было не всегда просто. Помню, как сердился И.А. Лунегов — Илья музейный, как прозвали его, что выставка задерживается из-за отсутствия подходящих витрин: «...Не отрицаю, что ваше «трио»-музей, галерея, археологический кабинет (университета. — А.Б.) я поругивал. Далеко живёте, не то бы вицей за такое отношение отдубасил... Меня ведь не интересовало, как показывать, в чём показывать. Мне важно было, чтобы Чердынский материал был достоянием пермичей».

Экспозицию мы строили в основном втроём — скульптор Ю. Екубенко, математик-преподаватель университет-

та Ю. Фоминых и я. Работалось радостно, увлечённо с огромным интересом. Ещё бы! В руках были бесценные подлинники, созданные нашими далёкими предками, представителями финно-горских народов — коми, коми-пермяков, эстонцев, финнов, карелов, объединённых общим названием «чудь». Чудские древности, разбросанные по музеям области и собранные вместе, производили ошеломляющее впечатление. Бронзовые идолы и бляхи древних обитателей Прикамья были очень своеобразны, часто неповторимы в сюжетах, художественных приёмах. Это и объёмные, полые двусторонние изображения соболя, орла, терзающего добычу, фигурки куниц, лося, медведя, фантастические птицы с распластанным крыльями и человеческой личиной на груди, шумящие коньковые подвески... Через тысячелетия из дальней дали веков докатилось до нас это редкое, рождённое удивлением перед жизнью чудесное искусство.

В этнографической части экспозиции многое сумела сделать Любовь Степановна Грибова — этнограф, большой знаток коми-пермяцкого национального искусства. В набойках, дубасах, изделиях из дерева, коми-пермяцких кушаках нашло своё отражение древнее искусство чуди.

Теперь, по прошествии четверти века можно с уверенностью сказать, что зёрна, брошенные Борисом Никандровичем, дали богатые всходы. Пермский звериный стиль нашёл отражение в произведениях многих пермских художников Ш. Зихермана, Ю. Екубенко, С. и Е. Колюпановых, А. Зырянова, Р. Шевяковой, камнереза А. Овчинникова и многих других.

Талантливый оператор М. Заплатин снял документальный фильм «Древности камской чуди» (сценарий А. Будриной и В. Шаховой, режиссёр Л. Кошеников), а затем, основательно исследовав легенду о золотой бабе, снял и этот фильм.

Пермский искусствовед А.В. Доминьяк, ранее изучавший сибирский звериный стиль, органично перешёл к проблеме искусствоведческого анализа пермского звериного стиля. Это как раз то, на что Борис Никандрович обращал особое внимание, ведь раньше этой проблемой занимались исключительно археологи.

Исследования Доминьяка были опубликованы в 1977 году в журнале «Декоративное искусство» и сборнике «Советское искусствоведение» (1979 г.). Издательство «Советская Россия» в 1973 г. выпустило в свет альбом гравюр А. Зырянова «Чудские древности Урала», Пермское книжное издательство — превосходный альбом В. Оборина и Г. Чагина «Чудские древности Рифея» (1988 год).

Борис Никандрович очень помогал нам, молодым тогда искусствоведам, своими советами, блестящей эрудицией. С ним

было всегда интересно. Мы любили бывать у него дома. Сколько хороших дел начиналось после долгих и содержательных бесед с ним. Бывало, что он и журил нас, и бранил за недостаточную расторопность, за поверхностный подход в решении некоторых музейных проблем.

Незадолго до своей кончины в один из самых тяжёлых моментов моей жизни Борис Никандрович попросил меня зайти к нему домой. Мы долго говорили. Он многое рассказал мне тогда о себе и своих жизненных ситуациях и переживаниях. Он сумел сказать самые нужные слова, которые дали мне возможность не только удержаться на ногах и выстоять, но и продолжать жить и плодотворно работать. Это забыть невозможно.

Совсем недавно я получила потрясающей силы документ — подлинник письма Бориса Никандровича Назаровского от 12 января 1936 года Нине Александровне Будриной о Зое Александровне, её сестре.

Написано письмо в горестные дни кончины Зои Александровны, этой удивительной женщины, так много сделавшей для воспитания молодых людей. Многие из них учились в художественном училище, организованном в Перми в 1919 году энтузиастом-художником Петром Ивановичем Субботиным-Пермяком.

Борис Никандрович пишет: «О Зое Александровне меньше, чем о ком-либо иногда думалось, что она может умереть. Это потому, что она всегда была очень молода душой. И не мог быть не молодым человек, который всего себя отдавал другим, становясь от этого ещё богаче... Само существование Зои Александровны у меня, как я уверен и у других наших людей, отделённых от неё годами и вёрстами — давало ощущение чего-то устойчивого в жизни. Всегда можно было найти у неё душевный приют. И вот этой-то уверенности, что есть в жизни такое надёжное место, мы сейчас и лишились...

Мне трудно было писать ей, Зое Александровне. Надо было писать всё или ничего. А писать всё — значит всего себя осмотреть с ног до головы и трезво взвесить. Это не так легко было мне сделать в последние годы... Тот период, когда я попал в руки Зои Александровны был, пожалуй, самым решающим периодом моей жизни. Теперь легче взвесить всё. Мне приходилось часто спорить с Зоей Александровной, вплоть до ссор с ней. Теперь можно сказать трезво — без неё ни мне, ни кой-кому другому не найти было бы пути к жизни. То хорошее, что есть в нас от неё, берёт свои истоки, и это хорошее будет жить.

Нас было много «второрайонников» — в Ленинграде и на Дальнем Востоке, и в Ташкенте. И народ разный, разными путями пошёл, но все мы в эти дни, я уверен, вспоминали одно и то же: беседы между книжных полок, прогулки по тёмным улицам Перми, инсценировки и литературные суды, вечера в вашей комнате у рояля, всё то, без чего не могли жить, чем дышали... Есть люди, своими отдельными качествами превосходящие Зою Александровну, но нет человека, в котром бы все эти качества так сочетались, как в ней. Ведь это и позволяло ей управлять жизнями и чувствами таких различных людей...

Поверьте одному, что память о Зое Александровне живёт у людей, которые при всей своей грубости любили и любят её».

Это писал ещё совсем молодой человек, которому было немного за 30. Это не было словами. В течение всей жизни Б.Н. Назаровский и С.М. Гинц в дни памяти Зои Александровны всегда непременно приходили к Нине Александровне, чтобы вспомнить своего учителя и друга.

В экспозиции галереи есть великолепный фотопортрет Бориса Никандровича, сделанный корреспондентом ТАСС Е.Н. Загуляевым. Это одна из самых дорогих моих реликвий.

М.В. Тарасова

«В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СТАЛО ИНТЕРЕСНЕЕ, КРАСИВЕЕ, ВЕСЕЛЕЕ РАБОТАТЬ...»

Очень мне повезло с началом трудовой биографии — я более 20 лет работала рядом с Борисом Никандровичем Назаровским и его единомышленниками.

В 1955 году, после окончания Львовского полиграфического института, я получила направление в Молотовское книжное издательство. Летела в город на Каме в настроении неопределённости и тревоги: нужна ли я в чужом и неизвестном издательстве, таком далёком от родительского дома...

После первого же разговора с директором издательства Людмилой Сергеевной Римской и главным редактором Борисом Никандровичем Назаровским я поняла, что такой специалист издательству нужен, и на меня возлагаются большие надежды. Оформление книг здесь действительно находилось в плачевном состоянии.

Так я сразу оказалась в окружении творческих бессеребрянников, увлечённых своим делом и его перспективами. Литературными редакторами тогда работали будущие классики пермской литературы и журналистики Л. Правдин, С. Гинц, А. Домнин, А. Крашенинников, Л. Давыдычев, Н. Вагнер, О. Селянкин, Р. Белов и др. Отсюда и та творческая атмосфера,

в которой было очень интересно и радостно что-то придумывать, налаживать заново, искать...

Борис Никандрович внимательно присматривался ко мне, пытался понять, что кроется за яркой внешностью этой молоденькой и модненькой девицы, что она умеет... Людмилу Сергеевну он часто предостерегал — ох, не избалуйте её! Я в свою очередь ощущала эту заинтересованность и недоверие. Как бы ненавязчивые беседы переходили в большой и содержательный разговор, мягкие полутона сменялись чёткими и целенаправленными рекомендациями и заданиями. Лёгкая ирония Назаровского для меня, конечно же, наивной и самонадеянной, была своего рода допингом — мне очень хотелось сдвинуть с мёртвой точки оформление и качество издания пермской книги, доказать многоопытному главному, что я не просто девица, а грамотный специалист.

Борис Никандрович продолжал наступление, не давая передышки. И я излагала свои идеи — прежде всего, привлечь новых молодых художников-графиков, полностью изменить взаимоотношения с типографией, добиться безусловного исполнения полиграфистами всех элементов оформления, задуманных художниками.

Своей работой, требовательностью к себе и окружающим, Борис Никандрович задавал тон всему издательству. Особенный интерес, мне кажется, представляли редсоветы. Детально, на высоком профессиональном уровне обсуждались издательские планы, рукописи. Блистательный ум, заразительное трудолюбие Назаровского делали его авторитет бесспорным, хоть с ним и спорили и конфликтовали. Он обладал ценнейшим даром подмечать самое существенное и учил этому нас. Делая устный отзыв или письменную рецензию на рукопись, или комментируя её исключение из издательского плана, Борис Никандрович был часто беспощадно конкретен и жесток, но всегда с явным желанием поднять общий уровень изданий.

Во все времена он был необыкновенно современным, хотя и любил оговариваться о своей старомодности (неприверженности к модным на сегодняшний день приёмам в литературе и искусстве).

Сложная судьба в журналистике не погасила его гражданской активности. Он реагировал на все события, происходившие в Перми, Прикамье, стране.

Когда возник вопрос о переименовании Молотова, Борис Никандрович Назаровский приложил много усилий, аргументируя необходимость вернуть Перми её исконное имя. Убеждал местные власти, писал статьи, отправил обстоятельные исторические справки в республиканские инстанции.

На решение ЦК КПСС о разделении промышленных и сельскохозяйственных обкомов Назаровский послал в ЦК подробное письмо, где убеждал в ошибочности такого решения. За это его жестоко критиковали с пермских партийных трибун. Когда же постановление было отменено, те же партийные лидеры с восторгом называли Назаровского истинным коммунистом.

С 1968 года по всей стране стали создавать гербы городов. Дошла очередь и до нас. Именно Борис Никандрович, возглавив жюри, разработал концепцию герба Перми, замечая при этом, что самым убедительным был бы старый герб 1783 года. С большой эмоциональной силой, убеждённо историка и краеведа, Борис Назаровский прочёл несколько лекций по геральдике и о медведе — символе Перми и Прикамья в Союзе художников, в библиотеках, на телевидении. С трудом, но удалось нам с Е. Нестеровым сохранить медведя и старый герб в прошедшем по конкурсу гербе Перми, утверждённому на сессии городского Совета в 1969 году. Зато никто не мог помешать нам использовать старый герб Перми в фирменном знаке Пермского книжного издательства.

Когда в Перми готовились отмечать 250-летие города, Назаровский одержал серьёзную победу в творческом споре о дате возникновения Перми с доктором исторических наук Ф.С. Горовым. Это — ещё один пример глубоких знаний, эрудиции Б.Н., его любви к родному краю, отечеству. К слову будет сказать и о скромности Назаровского. Заполняя анкеты, в графе об образовании он писал «среднее». Главным он считал самосовершенствование. Лично я не встречала более образованного человека.

Появились первые результаты в улучшении оформления пермских книг. У издателей возникла потребность поделиться успехами с читателями. Впервые были проведены 1, 2 и 3 (1962, 1964 и 1969 гг.) выставки Пермской книги. В залах собрались художники, издатели, полиграфисты, приглашались искусствоведы, авторитетные гости из Москвы. Выставки помогли увидеть свою работу со стороны, понять, что получилось, а где просчёты. В частности, обнаружилось, что за сравнительно короткий срок вокруг издательства объединилась интересная группа молодых художников — Ю. Лихачев, Е. Нестеров, Р. Багаутдинов, В. Аверкиев, В. Кадочников, В. Петров, С. Можяева, С. Ковалев и др. Именно тогда, на обсуждении выставки Борис Никандрович сказал, что в издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...

Удалось наладить систему обсуждения с полиграфистами исполнения наиболее сложных по оформлению книг. И вскоре

в копилку Пермского книжного издательства посыпались дипломы, медали, награды, добрые отзывы в центральной и местной печати.

В личном общении Борис Никандрович был разным — то ироничным, строгим и «колючим», то предельно деликатным и весёлым. В издательском коллективе часто легко и интересно отмечали малые и большие события и, как правило, Назаровский говорил главные слова, был остроумен, эlegantен, очень смешно и заразительно хихикал, если вокруг начинали «чушь прекрасную нести».

После смерти жены Борис Никандрович отказался от трёхкомнатной полногабаритной квартиры и ему дали взамен маленькую квартиру. Стайка молодых сотрудников провела в его доме несколько дней, упаковывая книги для переезда. У Бориса Никандровича была отличная библиотека и часто упаковочный процесс останавливался, а хозяин, сидя на стремянке, посвящал нас в неведомые нам истории, байки, факты. Потом «за доблестный труд» он дарил нам на память книги. Мне — «Это я, Господи» Рокуэла Кента.

Много раз летом мы гостили на даче у Льва Николаевича Правдина и его жены Ирины Борисовны. Это совсем близко от маленькой избушки Назаровского на Винном заводе. Как много интересного узнавали мы за эти приезды! И как Аркадий Гайдар на спор ложился вот в эту колоду с ледяной родниковой водой, и как, гуляя по этим же лесам, молодые А. Гайдар, С. Гинц и Назаровский, не срезая рыжики, прямо «на корню» их подсаживали, поливали уксусом и вскоре тут же съедали. Узнали, как правильно умываться росой рано утром, какие цветы и травы для чего и как можно использовать. Непревзойдённым грибником был Лев Николаевич Правдин. Казалось, что лес он видит насквозь, а это всего лишь опыт семнадцати лет работы на лесоповале с последующей реабилитацией. У Бориса Никандровича был дешёвенький фотоаппарат, и он, как бы между прочим, «щелкал» нас, как правило застигая врасплох — не любил позы. У меня сохранилось несколько его фоторабот. Запомнилось его отношение к «мелочам». Подарили нам как-то щенка породы доберман-пинчер. Я с ним замучилась — уход нужен как за младенцем, а у меня работа, семья. Борис Никандрович сказал очень серьёзно: «— Да, это большая роскошь. Уж лучше воспитайте сына, да и работать нужно, ведь вы — художник...» Вскоре один восьмиклассник пожелал заполучить собачку, и я с лёгким сердцем отдала щенка в надёжные руки.

Борис Никандрович был очень внимательным и чутким товарищем. Как-то пришла на работу, не видя света белого —

болел зуб. Борис Никандрович куда-то позвонил и тут же отвёл меня к очень высокому специалисту, поделившись со мной на долгие годы таким ценным знакомством.

Приближался юбилей Бориса Никандровича. В издательстве ломали голову — что ему подарить. Я предложила попробовать уговорить нашего прекрасного портретиста Евгения Широкова написать портрет Назаровского.

Евгений Николаевич был этому предложению очень рад. Упросив Бориса Никандровича попозировать, я привела его в мастерскую художника. Результат этого знакомства — серия замечательных портретов журналиста Назаровского и прекрасная многолетняя дружба Широкова с Назаровским. Борис Никандрович всегда был за взаимообогащение, за активное творческое содружество между писателями, художниками и читателями и многим творцам и труженикам дарил своё дружеское расположение. Как не достаёт нам сегодня его дружбы, слова, улыбки.

ПЕРВЫЙ ГОД БЕЗ Б.Н. НАЗАРОВСКОГО **Из писем Р.Л. Соломянской-Гайдар Н.А. Аликиной**

2 апреля 1972 г.

...Не ответила сразу, но думала о вас, о тебе все дни. Письмо пришло вместе с приходом Серёжи¹. Всё сразу наполнилось Борисом Никандровичем. Твоё письмо, Серёжа, рукопись², создалась даже иллюзия живого Бориса. Я ходила, говорила, читала как блаженная. Читала рукопись, читала письмо и всё с начала.

Но вот пришло реальное понимание правды — Бори нет. Жизнь стала, уже, бедней. Нет защищённого тыла. Нет доброго, мудрого друга, очень далеко ушла Пермь. Правда!..

...Жалко Серёжу. Борис действительно был его отцом — по существу духовной значимости! (Как трудно писать — Борис, так привыкла — Боринька!) Он тонкий, милый мальчуган. Сейчас растерян, боюсь, что растеряет тот душевный, интеллектуальный закал, что впитал от Бориса. Поддержите его Наденька, не бросайте...

...Что будет дальше! Жаль, если погибнет библиотека Бориса. Думаю, Наташа³ какое-то время будет всё сохранять, как есть. Даже подчеркнуто демонстративно всё беречь. А потом?

Быть может, когда построят «дом журналиста», в нём может быть создана мемориальная комната Бориса, «кабинет Назаровского». Может быть при новом здании партархива «кабинет Назаровского» для работы исследователей. Быть может,

назовут именем Бориса какую-нибудь библиотеку в городе и там отведут специальную комнату — «кабинет Назаровского» (со всей обстановкой, даже с его коллекцией пластинок, медведей, письменным столом). Пусть это будет клубная маленькая комната для настоящих книголюбов, комната литературных, общеполитических, исторических встреч. Ведь была же у нас в молодости такая комната во 2-й районной библиотеке, её возглавляла Зоя Александровна Будрина. Это было гнездо, где формировалась целая группа молодых литераторов. Назовём их даже «революционных интеллигентов». Оттуда Коротков, Малыгин, Гинц, Назаровский и т.д.

Ну вот как я размечталась. Право хорошо бы — если возникла бы такая возможность, и выросла бы в «кабинете Назаровского» плеяда молодых пермяков — пусть историков, пусть поэтов, пусть литераторов, просто хороших человек!

...Рукопись Бориса — это великолепно! Это пример настоящего исследования, научного, глубоко партийного исследования. (Ему и следовало присудить «докторскую»). Блистательно, темпераментно, неопровержимо. Чёрт с ним, с профессором — это же пример раскрывающий спекулятивную лжеучённость — «научообразность». Борис даёт бой не только Горовому. Он сражается за чистоту науки, за партийность, значимость, добросовестность научных исследований.

Нужно публиковать. Обязательно нужно прочесть в пединституте на семинаре историков, в лектории публичной библиотеки. Рида (это жена Тимура, она историк Ак. наук СССР, сектор славянских стран) вернётся из поездки и попробует организовать чтение в институте истории. Ты, мой друг, умница, молодец, что прислала рукопись. Борис её очень ждал. Её должна была выслать Наташа бандеролью. Умница, что собрала редколлегию сборника. Продолжить, осуществить мечту Бориса, последнее задуманное — это так важно. Это самое ценное, единственное, что нужно, можно и следует для него и для людей сделать. Я понимаю, у тебя на руках «Мясников»..., но всё-таки возьми в свои добрые руки и сборник и публикацию рукописи в «Урале».

Наденька, прости мне это длинное и, наверное, бестолковое письмо. Это всё потому, что хочется с тобой говорить, и ещё потому, что не могу тебе писать о последних часах жизни Бориса.

Умирал он тяжело. Но с таким красивым достоинством. Он ни разу не терял это удивительно красивое человеческое достоинство. Несмотря на мучения, он был нежен и внимателен, терпелив до крайнего предела. Знал или не знал, что умирает? Опасался, но не знал, не верил.

— Я умру только в Перми, только в Перми! — эту фразу он повторял несколько раз.

Врач спросил, не согласен ли он на ночь передать мне свои документы — партбилет (чтобы не пугать Бориса, он сказал, что сейф, где хранятся документы, закроют: воскресенье). Борис чётко и энергично сказал:

— Партбилет должен быть у меня, только у меня, я так привык!

Знал или не знал? Всё-таки не знал.

— Ралюшка, когда уедешь, скажи, чтобы мне дали на ночь «барбамилку».

Это было в 9.30 вечера.

А я всё верила в чудо. В 11 часов вечера он забылся и затих, а я сидела и считала пульс. Я была убеждена, что он заснул, что приступ удушья прошёл, что чудо совершилось. Около Бориса стоял врач, сестра. Они знали, что Бори нет, уже нет, а я считала пульс. Держала тёплую руку и считала пульс. Это был мой пульс.

Потом, ночью я ехала из Раменска в Москву, слушала, как тикают часы Бориса, и опять считала и считала. Я всё хотела сойти на станции, ехать назад. Всё думалось: «А может, это всё-таки глубокий обморок!» Нет, всё было неумолимой правдой!

Всё было правдой!

Наденька, милая, пиши. Мне хочется тебя увидеть, позвони.

Твоя Лия.

25 июня 1972 г.

...Очень меня порадовало письмо Водарского⁴. Это замечательно. С Ридой ещё не говорила. Она в больнице у Егорушки. Думаю, что с сообщением должна выступить ты! Это самое правильное. Все побоятся, побегут в обком согласовывать. Тебе бояться нечего. Пришлют официальное приглашение, и тебя не смогут не отпустить. Посоветуйся с Быковой. С ней ведь можно говорить. В крайнем случае, приурочь отпуск...

О портрете ≈ мне написала Эля Зebbеева. Тоже похвалила (она, наконец-то, присдала мне большое и доброе письмо). Я рада, что создан такой портрет. Нужно только, чтобы он не утек из Перми. Ужасно обидно, что мне не хватило дня, чтобы увидеть этот портрет. Быть может, следует поторопиться, чтобы портрет приобрела библиотека имени Горького и повесила в тот зал, который: как все предполагают, будет назван «залом Назаровского». ...Нужно только решать всё скорее. И ещё нужно, как и предполагала Эля, оформить одновременно шефство издательства над этим залом, что придаст залу

характер литературного клуба. И быть может, в будущем библиотека приобретёт у Наташи «кабинет Назаровского», сохранив его таким, как есть: с медведями, столом и стулом.

Спорить ни с кем не буду, хотя и знаю, что права...

Поторопи Савватия со статьей в «Журналист»...

Пиши мне. Л.Л.

13 сентября 1972 г.

...Спасибо за письмо. Очень меня обрадовало всё, о чём ты пишешь. О выступлении Анастасии Семёновны Черкасовой мне рассказала Рида. Она присутствовала на том выступлении. Оказывается, Анастасия Семёновна её ученица. Она несомненно человек смелый, честный, знающий — ничего не побоялась, спасибо ей⁶.

Вы обе для такого славного дела много потрудились. Хорошие вы! Было бы непростительной виной перед Борисом Никандровичем, если бы этот его предсмертный труд остался неизвестным. Сколько сердца и души вложил он в это дело. И главное ведь не только, вернее, не столько в дате рождения города, сколько в партийной нетерпимости ко всякой демагогии, спекуляции и лжи — особенно, если это касается науки, истории да и просто печати...

Отдельно о портретах. Прежде всего, спасибо за то, что прислала. По фотографии о работе Широкова судить трудно. Очень трагическая фигура. Борис был всегда ироничен и спокоен. В этом была его большая сила. Портрет получился несколько манерен, в нём несвойственная Борису жесткость. Но быть может, всё это от сильно контрастного фото. И потом, художник волен человека видеть по-своему. Это его ощущение, его восприятие... Где он находится? Кто его приобрёл? Быть может, он будет помещён в том зале библиотеки, которому присвоят имя Бориса Никандровича?

О снятии копий я просила Галю⁷. Об этом она пишет тебе. Галя говорит, что с этих отпечатков копии сделать невозможно. Она обещала дать поручение своему корреспонденту сделать цветные негативы. Конечно, это будет хорошо...

Л.Л.

11 января 1973 г.

...Портрет, конечно, видела. Ходили смотреть мы все. Помимо личного отношения — заинтересованность, нужно сказать, что это вообще одна из значительных живописных работ на выставке. В нём личность. Можно спорить, но нельзя оспорить

основного — это личность! И за это художнику спасибо. И всё-таки немного бы Бориной иронии, теплоты к людям. Он был человеком взыскательным, прежде всего к себе. Это ты права. Он сознавал, что многое не может изменить... конечно, в этом трагедия. Но его никогда не покидал юмор; снисхождение, доверие, человеколюбие. Он даже раздражался только на себя, и когда его раздражали другие люди, он был деликатен с ними. Я не против портрета. Это просто моё ощущение, которое не совпадает с ощущениями художника. Но всё равно, многое он увидел точно, и за это большое спасибо. Внутренняя сила, значительность, искренность и простота, и вместе с тем трогательная хрупкость, почти юношеская (а не стариковская) хрупкость фигуры создают очарование. Хочется стоять и смотреть!

Кому будет принадлежать портрет, где будет «прописан» навсегда? Неужели город его не приобретёт?

Всем привет. Лия.

11 марта 1973 г

...Вот и наступило 11 марта¹. Год. Прошёл длинный, грустный год. Ещё утро было спокойное, хорошее. Нужно было выполнить поручения, купить общие тетради, карандаши, договориться с Тимуром и ехать в Кратово. Весёлая телеграмма уже была послана...

...Сейчас ко мне приедут Тимур, Егор, Рида, приедет Галя, приедут ещё два друга, которые знали и любят Бориса Никандровича. Шура готовит блины. Всё как положено, всё как положено. Выпьем, вспомним. ...До сих пор я не могу соединить в своём понимании Бориса с тем холодным дождливым кладбищем, где мы были с тобой... Эти ужасающие пакеты мёртвых цветов. Шуршат, качаются... Как я хочу, чтобы там росла берёзка, чтобы осенью краснела рябина. Пусть его украсит зелёная ёлочка. Ну, пожалуйста...

Л.

¹ С.В. Рыжанов — приёмный сын Б.Н. Назаровского.

² Рукопись Б.Н. Назаровского по поводу обоснования даты основания города Перми.

³ Н.Б. Назаровская — дочь Б.Н. Назаровского.

⁴ Водарский Х.Х. — учёный секретарь Института истории АН СССР — приглашал в Москву с сообщением Б.Н. Назаровского о дате основания Перми.

⁵ Речь идёт о портрете Б.Н. Назаровского, сделанном как эскиз к будущей картине Е.Н. Широковым, и подаренном им Б.Н. Назаровскому.

⁶ А.С. Черкасова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Пермского университета. Речь идёт о выступлении её на симпозиуме по

исторической географии в Институте АН СССР по материалам Б.Н. Назаровского, направленным на опровержение точки зрения ректора университета Ф.С. Горового.

⁷ Г.Н. Плеско в это время возглавляла отдел фотоиллюстраций АПН.

⁸ 11 марта — день рождения и день кончины Б.Н. Назаровского.

Письма подготовлены к публикации Н.А. Аликиной.

В.Ф. Гладышев

«НЕУЖЕЛИ РЕШИЛИСЬ?..»

Проблема совести художника в постановке
Б. Назаровского и А. Гайдара

Слова эти вырвались у Бориса Никандровича, когда он получил на рецензию сценарий художественного фильма о молодом Аркадии Гайдаре под названием «Серебряные трубы».

— Неужели решились?!

Неужели авторы решились рассказать о биографии Гайдара всё без утайки и без «педагогических» умолчаний? Неужели пришла пора, наконец, для честного, правдивого разговора о проблеме жизни и смерти, о совести писателя, прошедшего сквозь огонь, воду и медные трубы? Да, Назаровского можно понять: даже для нашего времени такая постановка вопроса в отношении Гайдара удивительна, а ведь со сценарием фильма Борис Никандрович знакомился в начале 70-х, когда, как известно, советское общество вступило в стадию идеологического климакса, удушья.

Понятно, почему авторы фильма обратились за советом к старейшему пермскому журналисту. Как писал сам Назаровский, он не был соратником Гайдара, но был его современником. В пермский период творчества Аркадия Голикова (20-е годы) они работали вместе в редакции газеты «Звезда», были дружны, и судя по письмам Гайдара того времени, умный, содержательный и гораздо более образованный Назаровский пользовался большим уважением у начинающего писателя, а тогда яркого и неуравновешенного фельетониста.

Непонятно пока другое: почему так «обрадовался и взволновался» Борис Никандрович, прочитав название будущего фильма. Оказывается, он вкладывал в этот символ — «серебряные трубы» — гораздо более глубокий смысл...

«Серебряные трубы», — пишет Назаровский в своём письме сценаристу, — звучат внутри человека в момент его внутренней сосредоточенности как некоторый итог и успокоенность (вместо

этого слова автор написал сначала «похвала», но зачеркнул; в самом деле, в приложении к гайдаровской биографии слово это было бы неуместно — В.Г.). Победил я или повержен, всё равно,— я поступил, как я, по совести, и этим утвердил свою личность...»

Назаровский знал о Гайдаре больше, чем кто-либо, в том числе и немало негативного. Он был основным автором книги «Аркадий Гайдар на Урале» (несколько глав в ней написаны С. Гинцем). Но ведь и в этой книге самому Назаровскому не удалось всё сказать до конца, прямо и честно. К сожалению, жестокая цензура, а затем и не менее суровый внутренний редактор мешали этому. Даже в письме сценаристам это чувствуется. Когда Борис Никандрович пишет о страшных кровавых фактах биографии Гайдара: «...Потом было много других смертей. И своих и чужих, иногда не менее страшных», он делает вставку, уже в машинопись: «Не всегда оправданных...» Да, не всегда оправданных... Б. Назаровский уже на склоне лет, приглашая своих собеседников к трудному разговору, и сам втягивался в процесс переосмысления давно известного. Переоценки ценностей в определённом смысле. Тем самым Назаровский опережает своё время, вырываясь из «глухих» годов. «Вы же знаете, за что он был исключён из партии. И по сути дела брошен на произвол в очень трудной обстановке тех лет. Мы все, знавшие его, в большом и неоплатном долгу перед ним...»

...Необходимое отступление. В «обыкновенной биографии» А. Гайдара (именно так сам писатель назвал своё произведение, при публикации озаглавленное по-иному: «Школа») были события, при воспоминании о которых он просыпался в холодном поту и долго не находил себе места позднее, в мирной жизни. Сначала — участие в подавлении антисоветского мятежа, а по сути крестьянского восстания на Тамбовщине. Тогда командир запасного полка А. Голиков, недавний курсант, проявил, по неопытности и горячности, неоправданную жестокость по отношению к противнику. По оценке его непосредственного командира, прославленного комбрига Григория Котовского, бойцы Голикова, выполняя задание, слишком много постреляли мятежников, в то время как их можно было без большой крови просто пленить.

Другой эпизод, не менее кровавый, относится к завершающему этапу гражданской войны, когда «император тайги», как называли льстецы молодого командира Голикова, гоняясь за бандой, превысил свою власть, расстрелял заложников. За что и поплатился партизанностью — а позднее, как мы убедимся, тем, что теряет покой...

Борис Никандрович Назаровский не оправдывает своего друга юности, нет. Он пытается его понять, а через него — понять время. Он пишет: «В жизни Гайдара звучали и медные, и серебряные трубы. И их надо различать. Боюсь, что в сценарии они не различимы. О серебряных он тосковал. Вслушивался в них и на берегах нашей Сылвы, и на берегах Оки, и на Мещере, и на Москве-реке. И не всегда ловил их звук, что и приводило в отчаяние. Но он имел право их слышать!»

В этом выводе, как нам кажется, ключ к пониманию Назаровским таких людей как Гайдар, и всего поколения, прошедшего через страшный опыт гражданской войны. «Он был не певцом войны, а — революции, чего-то куда большего. Революции, включающей войну, но имеющей гуманистическое начало. Революцией, сильной не столько оружием, сколько моральным превосходством над противником. Вот ведь о чём поют серебряные трубы...»

Действительно, гигантскую жизненную силу надо было иметь Аркадию Голикову, чтобы всё это выдержать. В этом с Назаровским трудно спорить, он знал, о чём говорил. Прочитал он однажды описание того, как Аркадий Гайдар рассказывал о замысле автобиографической повести «Серебряные трубы». Было это в 1941 году, и, по свидетельству мемуариста, даже заплакал, когда коснулся тамбовского эпизода своей военной биографии. А посвятить эту повесть, так и ненаписанную (через несколько месяцев писатель погибнет) Гайдар хотел Г. Котовскому, который, преподав урок войны малой кровью, и поведал ему библейскую историю про архангела Гавриила и серебряные трубы.

«Я верю этому. Он был способен заплакать. И было о чём заплакать», — записал Назаровский.

Он не судит Гайдара, нет, Обосновывая право его на «серебряные трубы», а собственно, это право каждого человека, — Назаровский допускает, однако, и известную долю легковёрности. В частности, он вполне принимал на веру очень необидительные из-за своей слащавости и иконописности свидетельства «мягкости» лихого рубаки Котовского.

В таком отношении к «неудобному факту» есть, разумеется, гуманистическое начало. Но сегодня, с высоты наших знаний о той «кровавой междуусобице», о белом и красном терроре, — сегодня можно сделать вывод, что Назаровский не мог выступать абстрактно справедливым, таким независимым третейским судьёй. Конечно, он стоял в ту пору на определённом фланге.

Как бы отвечая за своего друга юности, но не беря его крови на себя, Назаровский размышляет о толстовстве. Он выступает

против упрощения учения Л. Толстого о якобы «непротвлении злу насилем». И находит «рациональное зерно учения в том, чтобы не опускаться в борьбе до уровня противника, который морально ниже тебя. Не опускаться даже в порыве боевой страсти, даже терпя от противника чудовищные несправедливости...»

Здесь Назаровский приводит примеры, как колчаковцы вырезали звёзды на спинах красноармейцев и т.д. Ну, что на это сказать? Про то, как расправлялись, к примеру, с пермским духовенством в 1918-1919 годах при Советской власти, как архиепископа Андроника закопали живым?.. В том-то и дело, что — опускались, опускались красные до уровня противника. И вместе, теряя рассудок, опускались в муки адовы, в тартарары...

Не случайно поэтому автору письма, пришедшего в одну из пермских газет, стыдно за то, что «профессиональный клуб журналистов Перми носит имя палача». Кстати, человек; написавший такие слова, сам является, как он пишет, лауреатом областного конкурса журналистского мастерства имени Аркадия Гайдара за 1990 г. Теперь ему стыдно и за это, потому что в Красноярском крае, где недавно ему довелось побывать, оказывается, «в деревнях до сих пор пугают: «Не реви, а то позову Гайдара, он тебя убьёт». Именно там воевал Голиков. Впрочем, последняя байка отдаёт уже мифотворчеством наоборот, очередной легендой на тему Гайдара.

Для нас сёгодня ценно то, что Борис Назаровский раньше многих попытался в оценке «белых пятен», встать над схваткой. Он пришёл к необходимости отстаивать вечные ценности — раньше многих позднеших «разоблачителей».

Возвращаясь к тому же отзыву старого журналиста на сценарий фильма о Гайдаре (картина увидела потом свет, молодого писателя играл в нём Андрей Мягков, но удачей, событием эта работа не стала, и образ серебряных труб не зазвучал), нельзя не поражаться основательности подготовки автора, его энциклопедическим знаниям (недаром в юности изучал философию). Назаровский вводит в свою систему доказательств права на серебряные трубы, помимо упомянутого уже «толстования», также апологию Сократа. Он убеждён, что «серебряные трубы архангела Гавриила сродни внутреннему голосу Сократа». Голосу совести.

Он прав, упрекая сценариста фильма в том, что недостаточно продуман центральный образ, заявленный в названии, не использованной оказалась вся его ёмкость и многозначность, «не использована для обрисовки, раскрытия самого Гайдара. слышавшего внутренний голос того судьи, который внутри нас».

Так, Борис Никандрович замечает на полях сценария: «Призывно серебряные трубы не звучат!»

В другом месте растолковывает более популярно: «Гайдаровские тимуровцы творят добро анонимно (серебряные трубы)».

Наверно, можно не согласиться разве что с таким замечанием Назаровского. Вспоминая про последний год жизни писателя, он говорит: «Думаю, что ему было обидно сражаться вновь на той земле, которую он отвоёвывал 20 лет назад! А это иногда поэтизируют.»

Поэтизировать действительно не следует. Но само это стечение обстоятельств, столкновение фактов одной судьбы весьма примечательно. И нам кажется, оказавшись в первые годы войны с гитлеровцами в тех же местах, где воевал и в гражданскую, автор «Военной тайны» мог ощутить в душе отнюдь не обиду на свою судьбу, а совсем наоборот, ведь как ни крути, воевал он теперь не со своими соотечественниками, не с обманутыми тамбовскими крестьянами, к примеру, а с иноземными захватчиками, со злой и античеловеческой силой.

Но что говорить на эту тему! Чужая душа потёмки. Впрочем, недавно появился один документ, который проливает свет на психологическое состояние писателя в минуты исповедальности. Это письмо, написанное Гайдаром своему другу писателю Рувиму Фраерману, автору повести «Дикая собака Динго».

«Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье моё — хорошее. Ни о чём плохом не думаю. Одна беда — тревожит меня мысль — зачем я очень изоврался. Я не преступник, не искатель материального счастья, я не ношу тайной и злорадной мысли сделать людям зло и, казалось, нет никаких причин, оправдывающих и объясняющих это постоянное и мучительное враньё, с которым я разговариваю с людьми. Оно мне не нужно, оно меня тяготит. Я хочу людям в глаза смотреть прямо и открыто, но образовалась (когда?) привычка врать от начала до конца и борьба с этой привычкой у меня идёт упорная и тяжёлая и победить её я не могу...

Иногда я хожу совсем близко около правды, иногда — вот-вот — и весёлая, простая, она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня — берегись! Не говори! А то пропадёшь! И сразу незаметно сверкнешь, закружишь, сверкнешь, рассыплешься и долго потом рябит у самого в глазах — эх, мол, ты куда, подлец, заехал! Химик!

Нет у меня ничего плохого — в том смысле, чтобы это шло против людей. И какой бы мне суд не был, я буду отпираться — верней отказываться и защищаться, но знаю, что это всё бесполезно, потому что тогда подумают — раз человек что-то

скрывает — значит что-нибудь у него совесть не чиста и что-то на уме плохое.

А это не то! Похоже, но не то! Рувок! Я задумал одну вещь — а я упрямый человек — сделаю! Выйду из больницы и напишу небольшую книгу. Это будет полусон — но без всяких ерундовских аллегорий и ложных значительностей. Это будет очень тёплый, очень далёкий от небеси близкий к грешной милой земле сон немножко расстроенного, чуточку усталого, но очень крепкого, весёлого и здорового человека.

Крепко жму твою руку. Верь, что в этом я не вру и что я тебя глубоко ценю, люблю и уважаю. И желаю тебе здоровья сердцу и ясности голове — без которой трудно прожить в наши сложные и опасные для всей земли времена. Твой Гайдар!»

Можно только пожалеть, что документ не был известен ранее. (Письмо пришло к «широкому читателю» совсем недавно из-за «бугра», опубликовано в репринтном воспроизведении исторического альманаха «Минувшее», выпускающегося парижским издательством).

Если говорить «честно и прямо», как мечтал писать сам Гайдар, я почти обрадовался этой публикации. Мне могут сказать: нашёл повод, аспид! Тут клеветуют на любимого детского писателя, создавшего целую «страну Гайдара», объявляют лгуном писателя, который в немалой степени влиял на менталитет, на духовный облик советской молодёжи — а он, видите ли, возрадовался!..

А суть в том, что он был действительно совестливым человеком, честным, ищущим художником. Действительно, один из мифов о Гайдаре давно надо было потрясти. Ведь писателя сильно залакировали, а он «сопливой сусальности» ох как не любил! К сожалению, идеализации, упрощению образа писателя поспособствовал его сын Тимур, видный журналист. Вспомним: «Главными для него оставались революция, высокие и чистые человеческие идеалы...» Благодаря «цельности творчества и жизни, слов и поступков... ему верили и верят читатели» и т.д.

И вдруг мы читаем письмо к другу и узнаём такие вещи... Какой уж тут «цельный образ», от документа повеяло даже «достоевщиной» (известно: цельные люди не любят рефлексии). Так может, письмо появилось в минуту слабости, упадка духа? Тем более, что автор тогда находился в Сокольнической больнице (его почти всю жизнь преследовала, то обостряясь, то затихая, нервная болезнь, ещё с гражданской войны). Как отмечает публикатор документа Н. Стахов, А. Гайдар попал тогда, в 1938 году, в разряд «непечатаемых авторов», у него начались сильные неприятности из-за «Судьбы барабанщика».

Но главную «неприятность» переживала вся страна. У Гайдара тоже были репрессированы многие близкие и друзья. И в первоначальном варианте «Судьбы барабанщика» отца мальчика арестовали не из-за растраты или недоразумения (как впоследствии стали считать целые поколения читателей и зрителей, по повести ведь был снят фильм), а из-за клеветнического доноса. Сегодня можно только удивляться, почему Гайдара тогда так немилосердно «ломали»: ведь именно в то время была объявлена бериевская кампания по разоблачению клеветников. Скорее всего, Гайдар попал под перекрестный огонь как раз потому, что был, как всегда, в числе первых, когда «разоблачения» ещё не были санкционированы, а уж в детской литературе «самокритика» вообще не приветствовалась.

Суть в том, что Аркадий Гайдар был по-настоящему творческой личностью. Знатокам хрестоматийного наследия не мешало бы вспомнить, что в 1926 году Гайдаром была опубликована в пермской «Звезде» юмореска «Четыре рапорта», такая незлобивая, добродушная пародия на будущего «Тимура» и его игры.

Трагедия художника в том, что он был изломан временем, его опалила эпоха. Сейчас Гайдара читать так, как раньше читали мы, не будут (уже начали писать, что книги Гайдара вредны). В определённом смысле это действительно так.

Новым поколениям понадобились другие герои, иные приоритеты. Это мы, как Димка из «РВС» (пермского варианта повести), «к наганам и к людям, носившим наганы», относимся с невольным уважением. Добавим: как и сам автор повести, который более всего любил «синее поле с шелестом убегающих трав под шатром звёздной ночи, казачье седло, кривую шашку и стальные стремяна...»

В мыслях, прочитывавшихся между строк, Гайдар написал свою книгу-полусон, о которой упоминает в письме-исповеди. Но, наверное, в полусне являлись писателю и «мальчики кровавые»...

Это всё та же тема серебряных труб...

Борис Никандрович Назаровский привёл в своём письме сценаристу и литературное переложение библейской легенды об архангеле Гаврииле. «...Плывёт архангел в небе лазурном на белом крылатом скакуне. Облака мягкие, упругие, покота конского не слышно. А поют по белу свету в тот час трубы серебряные. Но не всякий их слышать может, а лишь тот, в ком совесть чиста перед богом и людьми, кто себя ни в чём упрекнуть не может — ни в трусости, ни в малодушии, ни в опрометчивом поступке, кто на душу свою не положил ни одного греха за безвинно и понапрасну погубленную жизнь...»

Нельзя не поразиться широте натуры этого человека. Ведь Назаровский был, как это говорится, представителем своего времени. Коммунист, атеист, и биография вполне номенклатурная (иначе бы не назначили редактором газеты и издательства!). Но это был лучший человек своего времени. (Не случайно он публично защищал А. Твардовского). Фактически Назаровский обосновал необходимость возврата нашего донельзя идеологизированного общества к тому, что называемы общечеловеческими ценностями, к подлинному гуманизму. Ему оставалось сделать всего какой-нибудь шаг до истины. Но так распорядилась судьба, что шаг этот — к истине, к полной правде решились сделать спустя ещё два десятка лет после памятного обсуждения сценария.

Сегодня как завещание читаются такие слова Бориса Назаровского:

«Очень хотелось бы, чтобы вы подумали о полноценном звучании серебряных труб. Это сейчас нужнее всего, это самое большее, что могут сделать для молодых поколений все художники...»

Это — на все времена.

Л.В. Мишланова

**«Всякого вам счастья,
хорошие люди!»**

*«Этот человек никогда не думал о плоти,
но всегда — о духе.»*

В.В. Тихомиров, врач,
при взгляде на портрет
Б.Н. Назаровского.

Журналисты и редакторы нашего поколения знали Бориса Никандровича в 60-х — начале 70-х годов, так сказать, позднего Назаровского. В нашей среде он был кумиром, признанным, самым высоким авторитетом. К тому же к нам, молодым, он относился отзывчиво, доброжелательно, всегда был готов помочь, мы ловили каждое его слово. Но однажды с удивлением я услышала от одной из тех, кто работал под его началом в «Звезде»: «Не думайте, что Борис Никандрович всегда был таким добрым. Редактора «Звезды» Назаровского мы знавали и суровым, и жестким. От него даже плакали. Да-да, бывало и такое». Слова этой женщины смутили меня, но не доверять ей, уважаемой, умной и находившейся в хороших отношениях с Назаровским, не было основания.

Позже меня возмутил один правдолюбец, который ходил в друзьях Бориса Никандровича, был пригрет им, но после его смерти стал рассказывать и писать, какой плохой был Назаровский в молодости, как сурово относился даже к близким.

Однако в памяти моей хранится и свидетельство самого Бориса Никандровича на этот счёт. Как-то я заговорила с ним о серии книг, которую выпускало Пермское книжное издательство, возможно, по его замыслу, — «Искры памятных лет». — А почему бы Вам, — сказала я, — самому не написать книжку в эту серию? — О чём? — удивился он. — Ну, о событиях, очевидцем и участником которых были. О людях... — Каких людях? — вдруг спросил он, подняв голову. — Об окружающих... — неуверенно сказала я. И вот тогда после долгой паузы он печально произнёс: — Я всегда слишком много думал об идеях и очень мало — о людях. — Это было незадолго до его смерти...

Теперь же, читая, документы — автобиографии, рецензии, письма, отзывы о нём, вижу, что Назаровский разный в разные периоды жизни, время накладывало отпечаток и на него: скажем, в 30-е годы он, фактический редактор газеты, клеймит на её страницах врагов народа и, уволенный, исключенный из партии, оправдывается, что не виновен в их укрывательстве; война сурова сама по себе, так вот, будучи одним из руководителей области, Назаровский, конечно, не мог не поступать жестко, в унисон с требованиями центра. А вот после войны, видимо, под влиянием каких-то несбывшихся ожиданий, явственно обозначается в нём внутренний и внешний разлад. Этот разлад выражается в выступлениях против стиля и методов работы первого секретаря обкома партии Прасса, в письмах в ЦК, а ещё позже — в уходе в историю, в краеведение.

Какую бы сторону личности Назаровского мы не исследовали, этой эволюции, изменений в его восприятии действительности и воздействии на неё нам не обойти. Предлагаю поначалу, имея всё это в виду, посмотреть, как в разные годы относились к нему люди, принадлежащие, в основном, к среде творческой интеллигенции, каким в их восприятии предстаёт Борис Никандрович.

В 20-е годы, по рассказу профессора Пономарёва, студентки педфака Пермского университета, среди которых была и его сестра, сочинили каламбур:

«Я не была на лекции Флеровского,
Пыталась покорить Бориса Назаровского».

Своим умом, большой учёностью молодой Назаровский, без сомнения, привлекал внимание мыслящей молодёжи Перми, но был недоступен, по-видимому, не одним только девушкам.

Да и в более поздние годы, как пишет Виктор Петрович Астафьев, «не всякого якова он подпускал к себе, не всякому оказывал доверие и, тем более, наделял дружеским расположением»¹.

А поскольку сферой его деятельности была печать — руководство газетой, а затем редактирование и издание книг, то, надо думать, несладко приходилось иным авторам. Мы можем это почувствовать по эпиграмме на Назаровского 50-х годов перского сатирика Афанасия Матросова:

¹ ГАПО, ф. р — 1659, оп. 1, д. 554, лл. 52—53.

«Что сей редактор вам
предложит
— На стенке надо зарубить!
Любого автора он может
Поднять, прославить и убить».¹

Чувствительный Астафьев, много шишек набивший в начале литературного пути, в полной мере испытал язвительность и ироничность Назаровского. Виктор Петрович так пишет о главном редакторе книжного издательства: «Я... поначалу с трибун посрамлял начальника своего, называл душителем талантов, сатрапом и деспотом, и ещё как-то уничтожительно-обличающе». Интересно при этом, как вёл себя Назаровский, натолкнувшись на непокорный характер неумелого поначалу, но истинно талантливого человека, каким пронизательным оказался в отношении Астафьева. Читаем дальше: «Старик имел ко мне большое отеческое снисхождение, помог найти и купить избушку в деревне Быковке; в речке Быковке водился хариус, я его ударно ловил и там же, в деревушке, начал ударно писать». А рядом был «Винный завод», дачка Назаровского.— Л.М. «Как я, бывало, появлюсь на «Винном заводе»,— продолжает В.П. Астафьев,— Назаровский, усмехаясь, и скажет: «Виктор Петрович, позвал бы сатрапа-то на ушку».² Черновик статьи В.П. Астафьева «Подвода итоги», так же, как и машинописный вариант с правкой автора, хранятся в ГАПО, в личном фонде писателя.

Впрочем, кто читал статью Астафьева в «Звезде», знает уже, с каким уважением и благодарностью вспоминает писатель о нашем Борисе Никандровиче, называя его замечательнейшим человеком, воспитанным, культурным и мужественным. И далее: «...ироничный, тонко воспитанный меломан, эстет, пронизательный читатель» — это всё о нём же, о Назаровском. Отмечая, что Борис Никандрович, работая когда-то в Омске, «смог помочь студенту местного сельхозинститута, начинающему прозаику Сергею Залыгину», Виктор Петрович завершает рассказ о пермском журналисте фразой: «Теперь вот и мне»³, то есть помог, первый посоветовал, что нужно писать не об уральской, а о сибирской жизни, которую начинающий литератор знал гораздо лучше.

¹ Так в машинописном оригинале, хранящемся в ГАПО в фонде В.А. Черненко (ф.р.— 1716, оп.1, д. 160, л. 11). В газете «Литературная Пермь» (февраль 1958 г.) напечатан отредактированный вариант.

² ГАПО, ф.р.— 1659, оп.1, д. 554, лл.51.

³ ГАПО, ф.р.— 1659, оп.1, д.554.

В статье Астафьева Назаровский предстаёт уже ближе к тому, каким его помнит наше поколение. Но разумеется, мы не могли видеть того, что доступно было лишь близким друзьям и знакомым. Поэтому любопытно ещё одно свидетельство, на этот раз Лии Лазаревны Соломянской, жены Аркадия Гайдара.

Получив от С.М. Гинца грустное письмо, видимо, с жалобами на то, что не клеится работа, она 11 марта 1964 года отвечает: «Наверно, тебе всегда нужно присутствие Борички. Он, как интенсификатор, как моторный двигатель: «Давай, давай, Савушка!» И ты включаешься в его ритм. И ты всё можешь! Боричка только с виду медлителен. Внутри у него сидит довольно жесткий и беспокойный бес деятельности. Он затухает только тогда, когда ему что-либо становится скучным. Тогда его и домкратом не поднимешь. Но пока Боричке интересно, пока он увлечён—поднимет и закрутит вокруг себя всё!»²

«Мои первые собственные воспоминания о назаровском относятся к году пятьдесят девятому. И касаются они тоже отношения Бориса Никандровича к талантливым творческим людям. Речь, в частности, о художнике Маргарите Вениаминовне Тарасовой.

Я приехала в Пермь весной 59-го и, кажется, той же осенью меня выбрали секретарём комсомольской организации, куда кроме работников «Молодой гвардии» входило несколько сотрудников «Звезды» и книжного издательства. В райкоме сказали, что есть в организации человек, который давно не платит членские взносы и с которым надо бы разобраться, может быть, и освободиться от него, как от балласта. И назвали фамилию Тарасовой. Я никогошеньки ещё не знала, а ответственный секретарь нашей газеты Борис Брюшинин посоветовал: «Обратись к главному редактору издательства Назаровскому, он дядька умный. Как скажет, так и поступай».

Назаровского я увидела в крохотной комнатухе, где помещался только стол и два стула — для хозяина и посетителя, справа было окно, а слева круглым боком сюда заходила печь-«голландка». И вот возле этой печи стоял и грел руки высокий, худой человек с удивительно насмешливым, весёлым взглядом. Изящным, другого слова не подберёшь, жестом, с неожиданно уважительным полупоклоном он пригласил сесть, сам сел напротив, а узнав, по какому я делу, посерьёзней и сказал примерно следующее: «Я прошу Вас не торопиться. Маргарита Вениаминовна — молодой талантливый специалист, с приходом её в издательство совершенно изменился облик

¹ ГАПО, ф.р.—1588, оп.1, д.330.

наших книг. Она, можно сказать, произвела у нас революцию в оформительском деле. А со взносами недоразумение, я думаю, произошло потому, что у неё родился ребёнок, и она длительное время жила у родителей во Львове. Теперь приехала. Правда, в настоящий момент её нет в издательстве, но как только она появится, я непременно пришлю её к Вам, а Вы обязательно дайте ей поручение. И, уверяю Вас, Тарасова будет очень хорошей комсомолкой». На том и порешили.

Вспоминая, что со взносами и в самом деле произошло недоразумение. Они были уплачены ещё до меня, просто райкомовский учёт оказался неповоротливым. Через несколько дней, действительно, у нас в редакции появилась Рита, присланная Назаровским. Мы тут же привлекли её к делу: комсомольцам «Молодой гвардии» был поручен выпуск уличной газеты «Не проходи мимо!», так вот Тарасова, будущий заслуженный художник республики и известный человек в городе, рисовала тогда заголовок к этой газете...

К Маргарите Вениаминовне Назаровский, мало сказать, благоволил. По-моему, он её просто отечески любил, но прежде всего потому, что ценил как специалиста. Вообще, его отношение к людям, в первую очередь, зависело от того, как человек умел работать и насколько масштабно мыслил. Правда, очень молодым, о которых он судил по первым их шагам в журналистике или в издательском деле, он многое прощал. Но чем дальше, тем больше относился со всей строгостью. Есть свидетельство очевидца, как Борис Никандрович пенял директору издательства Л.С. Римской за то, что она слишком «сюсюкает» с Тарасовой, обнимает, хвалит и всё такое прочее. «Вы её избалуете», — говорил Назаровский. Сам же он своё расположение проявлял по-другому. Он воспитывал Маргариту Вениаминовну в общественном духе, рекомендовал в партию, заставлял выступать с докладами и, конечно, поддерживал художественного редактора в её требованиях к производственному отделу и типографии. В последние годы, когда Борис Никандрович был уже на пенсии, но часто приходил в издательство, он оказывал на Маргариту Вениаминовну, да и на всех нас влияние больше в шуточной форме, но так, что его слова заставляли нас подтягиваться.

За начинающими, в частности, журналистами «Молодой гвардии», Назаровский следил пристально, с пристрастием. Некоторых выделял и позволял себе хвалить публично. Так, в одном из выступлений, текст которого хранится в ГАНИ, он говорил: «А у нас есть талантливая молодёжь. Я не хочу приводить много примеров. Но скажу. Взять такого талантливого журналиста, как Ризов, — у него совершенно своеобразный

курс и, надо сказать, что это очень интересный товарищ». ¹ Помоему, скупостью слов здесь соблюден всё тот же «назаровский» принцип: «Хвали, да не перехваливай».

Сам прошедший коридоры власти, Назаровский знал, что людям иного склада, особенно занимающим руководящие должности, надо объяснять, что такое творчество и что из себя представляют те, кто наделён талантом. Не раз и не два на всевозможных собраниях, везде, как только представлялся случай, он говорил об особенностях руководства творческой интеллигенцией.

«У творческих работников, — читаем стенограмму его выступления в 1967 году, — есть одна странная черта — это признание права каждого художника на индивидуальность, на свой подход к действительности, на своё понятие действительности, на своё отражение этой действительности, и в то же время творческий работник бывает нетерпим». ²

«Одной только строгостью, одними жесткими требованиями, — продолжал он наставлять власть предрежащих, — нельзя добиться от писателя создания хорошего романа или драмы, от художника — хорошей картины, от режиссёра и актёров — хорошего спектакля. Действуя только такими средствами, можно получить лишь серые, поверхностно-иллюстративные произведения, которые лишены совершенно необходимого в искусстве «вечно тревожащего демона любви и негодования», говоря словами Герцена». И далее, там же: «...мало запрещать и недопускать, надо ещё воодушевлять, поддерживать, пропагандировать. Смею сказать — нет сердца более отзывчивого на заинтересованное внимание, на доброе слово, чем сердце писателя, художника, артиста». ³

Напомню, что говорилось всё это в 60-е годы, в годы всплеска вольнолюбия в творческих кругах и усиления гонений на «Новый мир», на Тврдовского, на художников — участников выставки в Манеже. Кстати, Борис Никандрович посылал Твардовскому письмо к 60-летию, вероятно с тем, чтобы тот знал, что в провинции есть люди, его поддерживающие. Это письмо было подписано прямо и определённо: «Б. Назаровский, журналист-коммунист». ⁴ И он, действительно, был искренним коммунистом, одним из лучших, потому что, самообразовываясь, всю жизнь рос и достиг такого уровня, который позволял ему мыслить диалектически, глубоко и многомерно.

¹ ГАНИ, ф. 90, оп. 12, д. 32, лл. 159—160.

² Там же, л. 167.

³ Там же, ф. 90, оп. 12, д. 32, л. 4.

⁴ Там же, д. 150, л. 44, отпущ.

Неудивительно, что Назаровского мучали сомнения, о которых иногда можно только догадываться. Так, в 69-м году он предложил для нашей политучёбы ряд тем, среди которых была такая: «В.И. Ленин и Максим Горький. (История дружбы и споров)». Доклад по ней готовила я, рвавшаяся на части в ту пору между работой, семьёй, часто болевшим ребёнком и общественными обязанностями. За доклад меня, помнится, похвалили, однако сама я, хоть и увлеклась темой, но многого не додумала и была неудовлетворена. Неудовлетворенным, я чувствовала, остался и Борис Никандрович, но что-то пробурчав, определённого ничего не сказал. Мысленно я много раз возвращалась к этой теме и отношению к ней Назаровского. Мне кажется, я приблизилась к пониманию того, чего он ждал от нас. Он, думаю, хотел, чтобы с высоты времени, издалека мы бы поняли не только правоту Ленина, но и правоту Горького, его страхи за судьбу мыслящих людей России, его боязнь, что духовные и интеллектуальные достижения нации растворятся в массе бескультурья и невежества.

Полагаю, что во многие головы Назаровский заложил вопросы, над которыми мучился сам, и эти вопросы продолжают беспокоить нас до сих пор.

Но в чём он, безусловно, был убеждён, так это в необходимости преемственности разных поколений русской интеллигенции и в необходимости воспитания в человеке общественных интересов. К этим идеям он не раз возвращался в выступлениях на собраниях, в разговорах, письмах. Например, в письме к Савелию Григорьевичу Ходесу, директору Пермского театра оперы и балета, где речь идёт о книге по истории театра, Назаровский подчёркивает: «Надо избежать примитивного противопоставления: до Октябрьской революции всё плохо, после Октябрьской революции всё сразу стало хорошо. ...ничто хорошее и в далёком прошлом не может быть забыто».¹ В выступлении на кустовом партийном собрании он говорил: «Русская интеллигенция прошла большой и тернистый путь. Своими делами на протяжении более чем века она, русская трудовая интеллигенция, доказала неизменную верность интересам народа».² Для Бориса Никандровича такие утверждения не были шаблонными, пустыми словами. Общественные интересы он и в повседневности ставил намного выше своих личных, в жизни был почти аскетом, таким, кстати, увидел и нарисовал его художник Е.Н. Широков. Можно утверждать, что к себе Назаровский относился куда более жестко, чем к другим, он

¹ ГАНИ, ф. 90, оп. 12, д. 43, л. 8.

² Там же, ф. 90, оп. 12, д. 32, л. 10.

всегда следовал определенным принципам, а принципы эти были предельно высоки.

Так он писал (следовательно, думал): «А ведь только тот поступок морален, который совершается без расчёта».² И щедро дарил свои идеи, а нередко свой журналистский и редакторский труд окружающим, ничего не ожидая взамен.

Он имел собственное мнение по поводу учения Л.Н. Толстого. И в том же письме — к кинорежиссёру, приславшему на отзыв разработку фильма «Серебряные трубы» об А. Гайдаре, — изложил волновавшую его в ту пору мысль: «В учении Льва Николаевича Толстого о непротивлении злу насилем есть рациональное зерно, о котором когда-нибудь скажут полным голосом. Часто упрощают: Толстой учил непротивлению злу. Какая ерунда! Он учил различать зло, противиться ему, звал к этому сопротивлению и сам сопротивлялся, не боясь риска и не щадя себя. Рациональное же зерно заключалось в том, чтобы не опускаться в борьбе до уровня противника, который морально ниже тебя. Не опускаться даже в порыве боевой страсти, даже терпя от противника чудовищные несправедливости».³ Назаровский говорил это, в известной степени, о себе.

И многое ещё можно было бы выписывать из литературоведческих рассуждений Бориса Никандровича, соотнесённых каждый раз с действительностью, с раздумьями по поводу неё. Да лучше собрать все эти письма, внутренние рецензии, выступления, статьи и опубликовать, что будет очень интересным чтением. Потому что, во-первых, Назаровский своей личностью полностью оправдывал приведённые им однажды слова Н.А. Добролюбова: «...в провинциях-то и живут люди рассуждающие, серьёзно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли». А во-вторых, масштаб вопросов, которые его волновали и которыми он жил, и масштаб мышления таковы, что высказывания его не утратили актуальности и сейчас. А кое-что даже лучше понимается теперь, в связи с крутыми переменами в нашей действительности.

Подводя итоги, сделаем вывод, что несмотря на суровость и жесткость раннего и зрелого Назаровского, несколько смягчившиеся в последние годы жизни, людей, любивших и по сию пору любящих его — много. Это объясняется просто: Борис Никандрович в высшей степени талантливо поддерживал и растил в людях самые ценные, самые высокие человеческие качества: умение и желание мыслить самостоятельно, ко всему

¹ ГАНИ, ф. 90, д. 150, л. 29.

² Там же, л. 26.

подходить творчески, различать добро и зло, защищая одно и сопротивляясь другому, поступать высоконравственно, то есть, прежде всего, бескорыстно. Люди под его требовательным взглядом старались быть и становились лучше. Несмотря на то, что к стыду нашему, пенсионер Назаровский жил чрезвычайно скудно, если не сказать бедно, фактически не кто иной, как он, был в Перми в 60-х — начале 70-х годов средоточием, центром общественной и культурной мысли. Это была вершина такой высоты, какой не так часто достигает развитие интеллекта и нравственности.

В заключение снова обратимся к словам самого Бориса Никандровича Назаровского. В том, что он написал однажды Виктору Петровичу Астафьеву и его жене Марии Семёновне, услышим напутствие тем, кого он при жизни одаривал своей дружбой, и тем, кого непременно поддержал бы сейчас, если бы остался с нами:

«Всякого вам счастья, хорошие люди!
Счастья всем нам! Счастья стране!»¹

ГАПО, ф. Р—1659, оп. 1, д. 441.

Б.Н. НАЗАРОВСКИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ (Обзор)

Став активным журналистом с юных лет, Б.Н. Назаровский до конца жизни остался верен принципу: «Написать сколько-нибудь прилично я могу только в том случае, если весь насыщен мыслями и фактами». Он был твердо убежден, что подлинное творчество невозможно без глубокого и всестороннего постижения бытия, а значит и духовных ценностей, накопленных предыдущими поколениями.

«Когда человек идет к людям, он старается нести к ним лучшее. Он поворачивается лучшей стороной, вытягивает из себя лучшее. Это не лицемерие, не притворство, это совершенно естественный и необходимый процесс. Так и писатель, и журналист. Он вытягивает лучшее из себя, из своего бытового «я» для читателей в своё авторское «я», и это влияет на него самого. В общении с читателями «я» становится лучше, вообще, человек становится лучше в общении с людьми». (Из письма Назаровского Р.Л. Соломянской).

В настоящем обзоре мы не ставили перед собой задачу дать полный перечень публикаций Б.Н. Назаровского. Он был профессиональным журналистом, много лет работал в редакциях газет Перми, Омска, публиковался в центральной печати. Из большого литературного наследия отобраны для обзора книги и статьи, характеризующие его прежде всего как краеведа, исследователя истории Перми и Пермского края.

Книги Б.Н. Назаровского

Назаровский Б., Плеско А. Беседы в кружке рабочих корреспондентов.— Пермь, 1925.— 64с.

Тиунов В.Ф., Назаровский Б.Н. Западный Урал.— Молотов, 1943.— 141с.

Назаровский Б.Н. Западный Урал к 40-й годовщине Великого Октября.— Пермь, 1957.— 118с.

Назаровский Б.Н. Редактор и автор.— Пермь, 1960.— 15с.

Гинц С., Назаровский Б. Аркадий Гайдар на Урале: страницы биографии.— Пермь, 1965.— 275с.

То же, 2-е изд.— Пермь, 1968.— 262с.

Назаровский Б.Н. Замечательное дело.— Пермь, 1969.— 185с.

То же, 2-е изд.— Пермь, 1970.— 185с.

Каждая из этих книг — результат большого исследовательского труда.

Много сил и времени отдал Б.Н. Назаровский книге «Замечательное дело». В предисловии сказано, что это «фактический комментарий к одноимённой статье В.И. Ленина». На деле же эта книга далеко перешагнула рамки комментария. Это серьёзное историческое исследование истории тяжбы мастеровых Очерского и Павловского заводов с их владельцами графами Строгановыми. Книге посвящён целый ряд рецензий:

Матюшина И. Комментарий к ленинской статье//Новый мир.— 1970.— № 9.— С. 272—274.

Боголюбов К. Прошлое «Уральского вопроса»//Урал.— 1971.— № 1.— С. 156—157.

Андреев К. Спор, законченный Октябрем//Звезда.— 1970.— 14 мая.

Рязанов Н. Книга, которую ждали//Знамя труда.— 1970.— 11 апр.

Интересно, что авторы рецензий отмечают именно высокое качество исследовательской работы Назаровского как учёного-историка.

И. Матюшина пишет: «Большое место в книге отведено документам, историческим фактам. При этом автор не просто приводит их, а глубоко анализирует, умело сочетая научную достоверность с публицистической увлечённостью. В книге нет той поверхностной беллетристики, к которой, не будем греха таить, прибегают порой иные авторы, обращающиеся к историческим сюжетам, а есть последовательный и аргументированный анализ событий с привлечением таких документов, которые зачастую красноречивее всяких слов...»

Особенное место в творчестве Назаровского занимает книга «Аркадий Гайдар на Урале», написанная им вместе с С.М. Гинцем. Это уже не только результат его исследовательской работы, это страницы его собственной биографии, часть его жизни. Близкое знакомство с А.П. Гайдаром во время его работы в редакции газеты «Звезда» в 20-е годы повлияло в какой-то мере на всю дальнейшую жизнь Назаровского. Много лет он вынашивал, продумывал книгу, собирал материал.

«Мы, пермяки, сейчас гордимся, хвастаем Гайдаром: он у нас делал первые шаги. А как мы были невнимательны к нему! Сколько заставили пережить! Как выжили из Перми! А мы же его выжили! Эту мысль тоже надо провести, она полезна», — писал он вдове А.П. Гайдара, Р.Л. Соломянской.

О Гайдаре написано очень много. Тем более ценно то, что книга С.М. Гинца и Б.Н. Назаровского не только не потерялась на фоне множества центральных изданий, но и выгодно отличается от целого ряда исследований биографии писателя документальностью, достоверностью. И это — заслуга Б.Н. Назаровского, который безусловно главенствовал в этом дуэте.

Нужно сказать, что и после выхода книги в свет Назаровский продолжал внимательно следить за публикациями, посвящёнными жизни и творчеству А.П. Гайдара. В его личном архиве хранится интереснейшее письмо режиссёру фильма «Серебряные трубы». По его просьбе Б.Н. Назаровский внимательнейшим образом изучил сценарий будущего фильма и сделал замечания к нему, касающиеся не только пермского периода жизни Гайдара, но и всей его нелёгкой судьбы.

Особенное место в литературном наследии Б.Н. Назаровского занимают книги, которым он дал путёвку в жизнь, работая главным редактором в Пермском книжном издательстве.

Тиунов В.Ф. Западный Урал в послевоенной пятилетке/Под ред. Б.Н. Назаровского.— Молотов, 1951.— 54с.

На Западном Урале: Сб. статей/Под ред. Б.Н. Назаровского.— Молотов, 1952.— 255с.

Горовой Ф.С. Очерки революции 1905-1907 годов на Урале (По материалам Пермской губернии)/Под ред. Б.Н. Назаровского.— Молотов, 1955.— 168с.

Тиунов В.Ф. Промышленное развитие Западного Урала/Под ред. Б.Н. Назаровского.— Молотов, 1957.— 353с.

Листовки пермских большевиков. 1901—1917 гг./Сост. Н.А. Аликина, ред. Б.Н. Назаровский.— Пермь, 1958.— 582с.

Рычкова Г.П. Лысьва: Страницы истории лысьвенской большевистской организации/Под ред. Б.Н. Назаровского.— 2-е изд.— Пермь, 1963.— 288с.

Этот список можно продолжить.

Среди воспоминаний о Назаровском, пожалуй, больше всего тех, что относятся к деятельности Назаровского-редактора. Все, кому приходилось иметь с ним дело, отмечают его замечательный талант редактора, умение быть одновременно деликатным и требовательным, тактичным и принципиальным. Методам редакторской работы Назаровский посвятил небольшую книжечку, не устаревшую и сейчас: «Редактор и автор» (Пермь, 1960).

«Редактором не может быть человек с холодными, рыбьими глазами. Редактору свойственна заинтересованность в авторе. Он должен возбуждать и завоевывать доверие автора и сам подходить к автору с открытой душой. Без этого немислим

контакт, а без контакта — работа. Конечно, в процессе подготовки большого произведения — книги — редактор и автор десять раз поспорят, а иногда и крупно поссорятся. Но если между ними установлен контакт, если они оба руководствуются соображениями только идейно-художественного порядка, они останутся друзьями и с удовольствием встретятся для работы в следующий раз».

СТАТЬИ Б.Н. НАЗАРОВСКОГО, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПЕРМСКОМУ КРАЮ

Глубже вникать в жизнь: Заметки о работе перм. писателей-прозаиков//Прикамье.— 1954.— № 18.— С. 232—255.

Пермская книга//Календарь-справочник Пермской области. 1964.— Пермь, 1963.— С. 46—49; Ленинское знамя.— 1964.— 17 марта.

В одной семье: (Латыши на Урале во время гражд. войны)//Календарь-справочник Пермской области. 1965.— Пермь, 1964.— С. 98—99.

Лбов Александр Михайлович//Революционеры Прикамья.— Пермь, 1966.— С. 325—334.

Некоторые вопросы истории города: (Публикация из архивного фонда)//Пермский край: Старая Пермь (1723-1917).— Пермь, 1992.— С. 16—44.

Первые шаги большевистской печати в Прикамье//Звезда.— 1956.— 6 мая.

Уроки классовой борьбы: Пермь в марте-апреле 1917г. //Звезда.— 1957.— 24 марта.

Беспокойное дело: (О работе Перм. кн. изд-ва)//Урал.— 1960.— № 1.— С. 186—189.

Свет большевистской «Звезды»//Звезда.— 1960.— 28 дек.

Аркадий Гайдар на Урале//Урал. следопыт.— 1961.— № 10.— С. 46—47.

На этом берегу: (А.И. Герцен в Перми)//Звезда.— 1962.— 6 апр.

Славные традиции рабочей печати//Звезда.— 1962.— 28 апр.

Дальние связи: (Латышские имена в рев. летописи Прикамья)//Звезда.— 1963.— 6 июня.

Писатель-боец (А.П. Гайдар)//Сов. Россия.— 1964.— 22 января.

Память поколений: (О серии книг «Замечательные люди Прикамья»)//Звезда.— 1964.— 21 февраля.

Вера в местные силы: (О «Пермском сборнике», изданном Д.Д. Смышляевым в Москве в 1859 г.)//Звезда.— 1964.— 13 марта.

Создадим историю заводов//Соликам. рабочий.— 1964.— 14 июня.

Народ, герои и подвиги: (Рец. на кн. «Отчизны верные сыны»//Звезда.— 1964.— 21 июня.

Ещё об уважении к истокам: (Об охране истока р. Камы)//Мол. гвардия.— 1965.— 18 апр.

О чём рассказывают пермские сульде?: (История коми-перм. изобразит. искусства)//Мол. гвардия.— 1965.— 14 нояб.

Прикамье на предоктябрьском смотре//Звезда.— 1967.— 24 окт.

Медведь на гербе Перми//Веч. Пермь.— 1969.— 18, 20, 21 окт.

Памятник на Вышке//Веч. Пермь.— 1970.— 3—7, 10 нояб.

Необычайное происшествие на камском пароходе: (Лбовщина в 1907г.)//Веч. Пермь.— 1971.— 16, 17, 19, 20, 21, 28 июля.

Боевики на пароходе «Анна Степановна»//Большая Кама.— 1971.— 21, 28 авг., 1 сент.

ЛИТЕРАТУРА О Б.Н. НАЗАРОВСКОМ

Назаровский Б.Н.: (1904-1972гг. Некролог)//Звезда.— 1972.— 12 марта; Веч. Пермь.— 1972.— 14 марта.

Надеждин Ю. Свет духовности: (О вечере памяти Назаровского в обл. парт, архиве)//Веч. Пермь.— 1984.— 17 марта.

Гладышев В. Статья человеческая: (К 80-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского)//Светлый путь.— 1984.— 20 марта.

Астафьев В.П. Подводя итоги: (Воспоминания о жизни в Перми и о встречах с Назаровским)//Звезда.— 1993.— 19, 20 янв.

Аликина Н.А. Свет высокой духовности: (Подборка документов из личного архива Б.Н. Назаровского)//Пермский край: Краевед. сб.— Пермь, 1990.— С. 11—38.

Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область.— М., 1978.— 228с. О Б.Н. Назаровском — С. 31, 125—128.

Келлер И.И. Репетиции. Спектакли. Встречи.— Пермь, 1977.— 206с. О Б.Н. Назаровском.— С. 69.

Аверина Н.Ф. История пермской книги: Очерк.— Пермь; Кн. изд-во, 1989.— 222с. О Б.Н. Назаровском.— С. 153, 162, 165.

Пермская книга. 1939—1989: (Есть сведения о Назаровском, гл. ред. Перм. кн. изд-ва).— Пермь: Кн. изд-во, 1989.— 33с.

Шарц А.К. Пермская химическая библиотека: (Участие Б.Н. Назаровского в сборе книг для б-ки)//Технические библиотеки Пермской области.— М., 1964.— С. 26—29.

О ПОРТРЕТЕ Б.Н. НАЗАРОВСКОГО, НАПИСАННОМ ПЕРМСКИМ ХУДОЖНИКОМ Е.Н. ШИРОКОВЫМ

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина». М., 1972: Каталог.— М.: Сов. художник, 1972.— 126с. Широков Е.Н. Портрет журналиста Б.Н. Назаровского.— С. 32.

Дьяконицын Л.Ф. Евгений Николаевич Широков. Восемь репродукций.— Л.: Худож. РСФСР, 1973.— 7с., 8л.ил. О портрете Б.Н. Назаровского.— С. 3.

Пермские портреты: (В т.ч. о портрете журналиста Б.Н. Назаровского работы художника Е.Н. Широкова)//Михайлюк В.М. Город мой Пермь.— Пермь, 1973.— С. 146—152.

Народный художник РСФСР Евгений Николаевич Широков: Каталог.— Пермь, 1981.— 41с. Портрет журналиста Б.Н. Назаровского.— С. 10.

Гражданин Перми: (Портрет Б.Н. Назаровского)//Урал. следопыт. 1973.— № 10.— Цвет. вкладка.

Чернев Б. Постыжение характера: (История создания портрета Б.Н. Назаровского)//Веч. Пермь.— 1973.— 31 янв.

СОДЕРЖАНИЕ

Б.Н. Назаровский о Пермском крае	
Назаровский Б.Н. Письмо товарищам, любящим наш край	5
Назаровский Б.Н. Медведь на гербе Перми	12
Письмо Б.Н. Назаровского Р.И. Рабиновичу, работавшему над книгой о Н.В. Мешкове	19
Назаровский Б.Н. Ещё об уважении к истокам	22
Биография Б.Н. Назаровского в документах, письмах, воспоминаниях	
Из автобиографии члена партии Б.Н. Назаровского к чистке 1933 года	25
Мандат, выданный Б.Н. Назаровскому отделом народного образования при Пермском городском ревкоме	27
Письмо Б.Н. Назаровского краеведу А.К. Шарцу	27
Воспоминания Валерии Агеевой, жившей в семье Назаровских в 1918 году	29
Дворсон Л.Г. Считаю своим наставником	34
Харитонов Е.Д. Живым остался в памяти моей	36
Астафьев В.П. Подводя итоги	41
Письмо Б.Н. Назаровского В.П. Астафьеву	43
Степанов М.Н. Уроки Назаровского	45
Будрина А.Г. Вспоминая Бориса Никандровича	50
Тарасова М.В. «В издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...»	53
Первый год без Б.Н. Назаровского. Из писем Р.Л. Соломянской-Гайдар Н.А. Аликиной	57
Гладышев В.Ф. «Неужели решились?»	
Проблема совести художника в постановке Б. Назаровского и А. Гайдара	62
Мишланова Л.В. «Всякого счастья вам, хорошие люди»	70
Радыгина Л.А. Б.Н. Назаровский в литературе. (Обзор)	79